

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО ИНВАЛИДА

о службѣ лейбъ-гвардіи въ Павловскомъ полку

1828—1835.

I.

Выпущенный въ 1827 году, передъ масляницею, изъ московскаго кадетскаго корпуса, который тогда не назывался еще первымъ московскимъ, я, по заведенному въ то время порядку, былъ прикомандированъ съ товарищами къ Дворянскому полку, яко-бы для узнанія фронтовой службы; въ дѣйствительности-же узнали мы только то, что въ этомъ полку каждый ротный командиръ, штабсъ-капитанскаго чина, имѣлъ полнѣйшее право пороть подчиненныхъ ему дворянъ, сколько угодно было его благоутробію. Первый баталіонъ полка щеголялъ, по крайней мѣрѣ, темпистикою и шириною скорого шага; но мы были прикомандированы ко второму баталіону, который ходилъ въ классы писать по командѣ азы и получать колотушки въ лобъ за тупоуміе.

Въ такой-то храмъ просвѣщенія отправляли насъ оканчивать свое образованіе! А между тѣмъ, мы пробѣдствовали тутъ болѣе года, оставаясь истинными пасынками у тамошняго начальства, которое не знало даже нашихъ фамилій; а если нужно было кого-нибудь изъ насъ позвать, то оборачивало къ нему только свой носъ и произносило: «Эй, ты, болванъ, оселъ!» или еще какую-нибудь болѣе забористую кличку.

Наконецъ-то, 25 марта 1828 года, въ первый день Пасхи, часу во второмъ дня, состоявшій при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ поручикъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Яковъ Ивановичъ Ростовцовъ

привезъ высочайшій приказъ о производствѣ моемъ въ прапорщики лейбъ-гвардіи павловскаго полка. «Ну, надѣвай мундиръ, сказалъ онъ,—и поѣдемъ къ намъ обѣдаты!» Но не тутъ-то было: до объявленія производства по Дворянскому полку строго запрещалось надѣвать офицерскіе мундиры. Имѣвшій главное наблюденіе за Дворянскимъ полкомъ, директоръ втораго кадетскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Андрей Ивановичъ Маркевичъ, съ полнѣйшимъ старческимъ добродушіемъ говаривалъ обыкновенно, при каждомъ выпускѣ: «Подождите, батеньки, недѣлку-другую объявлять молодымъ офицерамъ объ ихъ производствѣ; пусть напроказничаютъ что-нибудь, тогда можно будетъ шалуновъ двухъ-трехъ представить въ солдатики, да дюжинку-другую простегать хорошенечко; право, это послужитъ не дурнымъ примѣромъ для будущихъ выпусковъ». Командиръ Дворянскаго полка генералъ-маіоръ Вилькенъ всегда одобрялъ, самымъ густѣйшимъ басомъ, шепелявое наставленіе своеобразнаго гуманиста-генерала Маркевича, и принимался наиусерднѣйшимъ образомъ осуществлять его желаніе: при каждомъ выпускѣ, всѣхъ каптенармусовъ и половину служителей полка обращалъ онъ въ гончихъ ищеекъ для преслѣдованія и ловли новаго сорта двуногихъ звѣрковъ, покрытыхъ шкурою разныхъ офицерскихъ формъ.

Въ то время уже было почти правиломъ въ Дворянскомъ полку не объявлять воспитанникамъ, произведеннымъ въ офицеры, высочайшаго приказа по крайней мѣрѣ недѣли двѣ, и не позволять въ это время надѣвать офицерскихъ мундировъ; малодушныхъ-же, нарушившихъ этотъ запретъ, ловили и хватали, словно воровъ, при вечернемъ возвращеніи ихъ въ казармы; а на утро предавали ихъ энергическому стеганію, отпуская на порцію каждому не менѣе ста розогъ, и приговаривая съ особеннымъ злорадствомъ, что его-де благородію стыдно отпустить меньше; а если его благородіе возвращался домой немного на-веселѣ или осмѣлился разсуждать объ офицерскихъ правахъ, то ему стеганіе производилось уже сугубое, доходившее до двухсотъ ударовъ и выше, смотря по тому, въ какомъ духѣ былъ палачъ, виноватъ, я хотѣлъ сказать—полковникъ, потому что за офицерскими мягкими частями сохранялось то великое преимущество, что ихъ стегали по распоряженію штабъ-офицера, а ужъ никакъ не штабъ-капитана.

И беззащитные бѣдняги, уже видѣвшіе приказъ о своемъ производствѣ, поневолѣ должны были покоряться безобразной мѣрѣ, измышленной совокупными мозгами двухъ генераловъ-воспитателей, иначе имъ грозили оставленіемъ еще на цѣлый годъ въ омугѣ всяческихъ истязаній. А кто-бы не предпочелъ временной пытки, хотя и варвар-

ской, годовой мукѣ, ничѣмъ не гарантированной ни отъ новыхъ розогъ, ни отъ солдатской лямки!

На основаніи такихъ порядковъ, принятыхъ въ полку, я попросилъ Ростовцова уѣхать, обѣщаясь явиться на обѣдъ къ его матушкѣ, по прежнему, кадетомъ. Для этого я тщательно оправилъ кутасы на киверѣ, положилъ португеею свинымъ зубомъ, потеръ толченымъ кирпичикомъ, разумѣется при помощи собственной ладони, рукоятку и наконечникъ тесака, смахнулъ разъ-другой пуговицы на мундирѣ,—и отправился обѣдать, по образу иѣшаго хожденія, уволенный только до 7 часовъ вечера. Переходя Тучковъ мостъ, я отдалъ честь нѣсколькимъ офицерамъ, произведеннымъ, быть можетъ, въ тотъ-же день, только изъ другихъ заведеній; отчеканилъ полновѣсный фронтъ прапорщику служительской роты Дворянскаго полка, приставленному къ дровамъ. Этотъ трехъ-полѣнный герой уже успѣлъ порядочно пропустить за галстухъ и потому счелъ требованіемъ службы обозрѣть меня юпитеровскимъ взглядомъ и къ чему-нибудь придратъся; но вдругъ, какъ-то произвольно, отшатнулся отъ меня въ сторону и чуть не полетѣлъ съ мостоваго тротуара въ грязь... Ну и Богъ съ нимъ!

По возвращеніи въ 7 часовъ въ полкъ, я засталъ тамъ ужасную суматоху: приказано было вновь-произведеннымъ офицерамъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка прибыть въ Михайловскій дворецъ за часъ до развода. Только тутъ осмѣлились мы примѣрить свои мундиры съ эполетами и надѣть полусабли; но и тутъ дежурный по ротѣ, какой-то злокачественный прапоръ, сталъ громко приказывать, чтобы никто не смѣлъ въ офицерской формѣ ходить черезъ улицу въ другія роты; встрѣтя-же неповиновеніе, онъ побѣждалъ съ доносомъ къ капитану, дежурному по полку, человѣку, по счастью, не безъ такта, и возвратился оттуда зѣло поруганнымъ и кроткимъ; онъ ужъ болѣе не смѣлъ высунуть носа изъ дежурной компаніи.

По прибытіи на слѣдующее утро въ Михайловскій дворецъ, намъ приказано было начальствомъ Дворянскаго полка имѣть каски на головахъ, при такомъ, въ дополненіе, назиданіи, что: «на смотръ великому князю представляетесь не вы сами, какъ офицеры, а только пригнанная на васъ офицерская обмундировка; но что о васъ самихъ ничего еще не было въ приказѣ по полку. Вамъ позволили нарядиться въ мундиры только се сегодня, для показу, а потомъ... вы знаете Андрея Ивановича!...» Насъ поставили по ранжиру и ввели въ пріемный залъ строемъ, рядами; причѣмъ введенный насъ офицеръ не могъ воздержаться, чтобы не прокомандовать, хоть и не во весь голосъ: «Въ ногу, господа!» Вслѣдъ за нами влетѣлъ въ залъ командиръ

перваго баталіона Дворянскаго полка полковникъ Бородинъ; онъ, окинувъ насъ какимъ-то надменно-презрительнымъ взглядомъ, закричалъ: «что вы какими дураками стоите!» Въ залѣ уже было нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ разныхъ полковъ и должностей; всѣ они подняли вопросительно глаза на Бородина; тотъ сконфузился и хотѣлъ поправить свое невѣжество, прибавя: «я хотѣлъ сказать, какими дурными вы стоите!» Всѣ почти фыркнули; только мы, многогрѣшные, стояли неподвижно, какъ подобаетъ строевымъ единицамъ, то есть: вытянувъ, въ первый разъ облеченныя въ перчатки, руки плотно по швамъ и смотря бодро и вытараща глаза прямо въ портретъ своему нецеремонному начальнику. Станнымъ показалось мнѣ, что тутъ не было ни Маркевича, ни Вилькена; ужъ не разсердились-ли они, что не удалось имъ кого-нибудь изъ насъ выпоротъ?

Вскорѣ вышелъ великій князь; нахмурился было, увидя насъ въ каскахъ, но, поискавъ кого-то глазами, промолчалъ; обошелъ фронтъ, повернулъ насъ налѣво кругомъ, поправилъ у одного шарфъ и приказалъ отвести насъ въ дворцовый арсеналъ, гдѣ мы узнали, что передъ разводомъ изволить прибыть въ Михайловскій дворецъ государь императоръ. И дѣйствительно, минутъ черезъ 10 раздался чей-то возгласъ: «Государь!». Двери въ сосѣдную съ арсеналомъ комнату распахнулись настезь, и изъ нихъ изволилъ выйти государь, въ сопровожденіи великаго князя.

Я въ первый разъ въ жизни увидѣлъ такъ близко государя, не собственно Николая Павловича, но вообще русскаго самодержца.

Я впился глазами въ величественный образъ личности, которалъ въ ту минуту представлялась моимъ глазамъ не чѣмъ инымъ, какъ воплощеніемъ понятія объ идеѣ: «все и вся!» Я думалъ, что я упаду или разревусь; однако-жъ, осилилъ себя, сѣумѣлъ на мгновеніе одеревенѣть, подавъ напоръ внутреннихъ опущеній,—и устоялъ, хотя и чувствовалъ, что по обѣимъ щекамъ моимъ ползли тихонько слезы.

Государь милостиво окинулъ насъ взглядомъ и поздравилъ офицерами; мы всѣ инстинктивно, по какъ-то неувѣренно, подняли руки къ каскамъ; государь улынулся, приказавъ ихъ снять и сказавъ: «ну, милости просимъ на службу!» изволилъ удалиться. «Съ завтрашняго-же дня!», прибавилъ великій князь, обращаясь къ командиру лейбъ-гвардіи Павловскаго полка генераль-маіору Арбузову, и послѣдовалъ за государемъ. Генералъ Арбузовъ тутъ-же прошелъ по нашему фронту, указывая рукою поочередно на каждого изъ насъ и говоря: «въ роту его высочества, въ первую, во вторую, въ третью,

во вторую гренадерскую, и т. д., по порядку ротъ; за генераломъ, словно изъ земли выросъ, его полковой адъютантъ штабсъ-капитанъ Стахievъ, со списочкомъ нашихъ фамилій въ рукѣ, проставилъ карандашемъ противъ каждаго нумеръ названной генераломъ роты и, получа отъ него какія-то приказанія, исчезъ; а генераль предложилъ намъ заѣхать въ полковую канцелярію, чтобы тамъ записать свои адреса, и ожидать вечеромъ полковаго приказа. Адресъ нашъ былъ общій: «Дворянскій полкъ», потому что мы еще не имѣли позволенія разѣхаться по квартирамъ. Тутъ вошелъ въ комнату какой-то генераль-адъютантъ; Арбузовъ почтительно представилъ ему всѣхъ насъ; оказалось, что это былъ начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, Нейтгардтъ; онъ посовѣтовалъ отправиться намъ къ разводу, гдѣ командиръ полка представилъ насъ подходившимъ къ намъ съ распросами генераламъ: Бистрому, Шеншину и Мартынову; это были начальники: гвардейской пѣхоты, 2-й дивизіи и 3-й бригады, состоящей тогда изъ полковъ Измайловскаго и Павловскаго. Послѣ чего генераль Арбузовъ объявилъ намъ, что мы уже могли не ѣхать къ этимъ начальникамъ, для представленія имъ на дому.

При назначеніи насъ въ роты полка, я, какъ стоявшій по ранжиру на лѣвомъ флангѣ, попалъ въ 9-ю роту, т. е. въ третій баталіонъ, который оставался отъ турецкаго похода; это огорчило было меня сначала, но послѣдствія показали, что все дѣлается къ лучшему: было-бы не легко начать офицерскую службу, да еще въ гвардіи, прямо походомъ, не имѣя ни гроша въ карманѣ. Къ пробитію вечерней зари, мы всѣ собрались въ Дворянскій полкъ и сидѣли въ своей невзрачной казармѣ, стѣснившись въ кучку; мы уже чувствовали надъ собою вліяніе новаго начальства, которое было выше прежняго, отравлявшаго такъ долго около насъ воздухъ.

«А что, сказалъ кто-то изъ насъ, — не собратъся-ли намъ завтра куда-нибудь вмѣстѣ, чтобы хорошенько закусить и sprysнуть мундиры?»

— «Рано пташечка запѣла, чтобы кошечка не съѣла! прогнусилъ, вошедшій къ намъ въ камеру, дежурный по полку капитанъ;—смотрите, чтобы васъ не sprysнули здѣсь въ корридорѣ! Развѣ былъ приказъ по полку? А?»

«Принесъ павловскій солдатъ», сказалъ одинъ изъ дворянскихъ унтеръ-офицеровъ, подавая мнѣ полу-листовую писанную книгу.

То былъ дневной приказъ, отданный по лейбъ-гвардіи Павловскому полку, присланный изъ 9-й роты на мое имя, такъ какъ я назначался на другой день дежурнымъ по 3-му баталіону. Тутъ объявлялось

о нашемъ производствѣ ¹⁾, о распредѣленіи по ротамъ и о приказаніи прибыть намъ всѣмъ, на другой день, къ 10 часамъ утра, въ квартиру его превосходительства командира полка. При книгѣ находилась записка изъ полковой канцеляріи, въ которой было сказано, чтобы приказъ, присланный отъ 9-й роты, былъ объявленъ всѣмъ молодымъ офицерамъ, съ распискою каждого изъ нихъ на приложенной запискѣ.

Я прочиталъ этотъ приказъ во всеуслышаніе подъ носомъ у шипѣвшаго отъ злости капитана и, вынувъ изъ стола чернильницу и перо, начерталъ на запискѣ въ первый разъ вожделѣнное слово: «Прапорщикъ». Всѣ расписались вслѣдъ за мною и, оборотаясь къ капитану, пожелали ему доброй ночи; тотъ ужасно обидѣлся и ушелъ; вѣстовой, принесшій приказъ, получилъ полтинникъ на водку.

II.

Мы всѣ начали собирать свои вещи, потому что никто не захотѣлъ провести и одной лишней ночи въ отвратительномъ чистилищѣ. Тутъ пришелъ къ намъ родственникъ одного изъ насъ, павловскій офицеръ; онъ разъяснилъ намъ, что еще наканунѣ вечеромъ гвардейскій штабъ сообщилъ генералу Демидову, чтобы всѣхъ произведенныхъ изъ воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній въ гвардейскіе полки немедленно отправили на службу, и что объ ихъ производствѣ въ офицеры состоялся уже приказъ по гвардейскому корпусу. Мы въ тотъ-же вечеръ перебрались на квартиры, куда кто могъ, и оставили мѣсто своего окончательнаго усовершенствованія чуть не бѣглецами, безъ малѣйшаго участія начальства. Разумѣется, никто изъ насъ не подумалъ потомъ отправиться къ инквизиторамъ-воспитателямъ для выраженія чувствъ признательности за слишкомъ опутительныя назиданія; всѣ были радехоньки, что близость похода неожиданно вырвала насъ изъ дворянской пытални, и съ такою поспѣшностью, что не дала времени мѣстному тиранству поглумиться надъ нами въ послѣдній разъ. Безъ этого-же обстоятельства насъ-бы непремѣнно заставили, въ видахъ принесенія благодарности за убійственное вниманіе, обивать пороги у всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ власть

¹⁾ Высочайшій приказъ 25 марта 1828 года. Мих. Александр. Марковъ оставилъ л.-гв. Павловскій полкъ; штабъ-капитаномъ, 22 октября 1835 г., онъ поступилъ въ штабъ военно-учебныхъ заведеній и скончался около 1876 года въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

и душевную потребность неустанно пороть насъ; водили-бы отъ одного къ другому гуськомъ, покрикивая: «Въ ногу, господа!» И каждый изъ нихъ, навѣрно, поперхнулся-бы отъ нашей благодарности и съумѣлъ-бы сказать намъ только одно, что теперь насъ перестанутъ сѣчь.

Насъ было произведено въ прапорщики Павловскаго полка 12 чело-вѣкъ: 8—изъ Дворянскаго полка: Пастовскій, Симановъ, Петровъ, Свѣтлицкій, Судейкинъ, Щелкуновъ, Дышлевскій и Зенгбуштъ, и 4—изъ московскаго кадетскаго корпуса: два брата Ельчаниновыхъ, баронъ Дельвигъ и я; Пастовскій изъ фельдфебелей, а всѣ прочіе изъ унтеръ-офицеровъ, такъ какъ въ московскомъ кадетскомъ корпусѣ фельдфебелей тогда еще не было; слѣдовательно, Пастовскій и долженъ былъ стоять по старшинству первымъ, а за нимъ унтеръ-офицеры кадетскаго корпуса, какъ выдержавшіе съ особеннымъ отличіемъ офицерскій артиллерійскій экзаменъ, вслѣдствіе чего и состоялось ходатайство о производствѣ насъ въ гвардію; но какъ въ то время полки старой гвардіи были переполнены сверхкомплектными офицерами, въ Павловскомъ-же полку было только три прапорщика, передъ самымъ выступленіемъ гвардіи въ турецкій походъ, то насъ всѣхъ четверыхъ и назначили въ этотъ полкъ, но какъ и того оказалось недостаточно, то приказано было: офицерскій комплектъ л.-гв. Павловскаго полка пополнить лучшими воспитанниками изъ полка Дворянскаго, которые все-таки не держали никакого экзамена, даже въ чтеніи и правописаніи; однако-жъ, Дворянскій полкъ поставилъ ихъ выше насъ. Изъ этого видно, какъ высоко цѣнилась этимъ полкомъ шагистика и какал была неурядица въ управленіи главнаго директора военно-учебныхъ заведеній; по милости существовавшей тамъ возмутительной небрежности, привезенный годомъ прежде насъ изъ Москвы цѣлый выпускъ былъ просто забытъ при производствѣ, и прошлогодніе московскіе па-сынки петербургскаго начальства уже были произведены только вмѣстѣ съ нами, т. е. годомъ позже, чѣмъ-бы слѣдовало; въ числѣ этихъ забытыхъ былъ и нашъ старшій Ельчаниновъ.

Какъ послѣ этого не воскликнешь: «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!», и какъ не вспомнешь самую теплую благодарностью энергическихъ трудовъ неустоимаго и добродушнаго Якова Ивановича Ростовцова, зная, что онъ сдѣлалъ для военно-учебныхъ заведеній, изъ какого хаоса образовалъ онъ порядокъ и на какихъ развалинахъ воздвигъ новое зданіе, пользуясь благотворною эгидою своихъ августѣйшихъ начальниковъ!

Я нѣсколько распространился о Дворянскомъ полку въ томъ со-ображеніи, чтобы дать понятіе о той непроходимой трущобѣ, гдѣ

получилъ воспитаніе и образованіе тогдашній командиръ л.-гв. Павловскаго полка генераль-маіоръ Алексѣй Ѳеодоровичъ Арбузовъ; но прежде, чѣмъ представится ему, на основаніи полученнаго нами приказанія, необходимо, для уразумѣнія нѣкоторыхъ явленій, забѣжать впередъ и очертить характеристику тѣхъ лицъ, которыхъ мы должны были встрѣтить при поступленіи въ полкъ и подъ чѣмъ вліяніемъ предстояло намъ начать и продолжать дѣйствительную службу.

Генераль Арбузовъ былъ произведенъ въ офицеры въ 1810 году, л.-гв. въ Егерскій полкъ. Въ отечественную войну, окруженный на бивуакахъ обществомъ образованныхъ товарищей, онъ сѣмѣлъ значительно сгладить угловатость пріемовъ, вынесенныхъ имъ изъ названной труппы, и приноровиться по возможности къ приличію и особенностямъ тѣхъ людей, между которыми жилъ; онъ, какъ человѣкъ умный и вполне способный понимать условія житейской практики, скоро уразумѣлъ, что ему никогда не удастся стать вровень съ товарищами на свѣтской аренѣ, гдѣ всѣ бублики останутся навсегда не болѣе, какъ бубликами; бубликами называли товарищей Арбузова, выпущенныхъ съ нимъ изъ Дворянскаго полка, потому, что у одного изъ нихъ была фамилія Бубликъ. Арбузовъ избралъ для себя свою собственную дорогу, хотя и не новую: онъ всецѣло посвятилъ себя изученію строевыхъ тонкостей и вскорѣ сдѣлался профессоромъ по этой части; онъ зналъ и видѣлъ что такіе профессора были въ ходу и покровительствовались высшимъ военнымъ начальствомъ, и что за ними обезпечивалась военная карьера вѣрнѣе, чѣмъ за иными блестящими баловнями именитыхъ бабушекъ, то есть за тѣми свѣтскими шаркунами, которые достигали почестей, путя, такъ сказать, вприпрыжку, выдѣлывая на пути разные антраша и кунштюки. Арбузовъ расчетливо направился къ тѣмъ-же самымъ цѣлямъ, но пошелъ учебнымъ шагомъ въ три пріема; шелъ не торопясь, но твердо и настойчиво, и обогналъ не одного быстроногого полу-французика; онъ сѣмѣлъ сдѣлаться положительно нужнымъ тамъ, гдѣ служилъ, и по праву сталъ пользоваться авторитетомъ фронтоваго знахоря.

Этого и было тогда достаточно, чтобы служащему во фронтѣ стать на ноги, и Арбузовъ прочно установился на собственныхъ своихъ ногахъ: ему, въ полковничьемъ чинѣ, дали гвардейскій полкъ.

Но ни званіе полковаго командира, ни вполсѣдствіи генеральскіи эполеты не могли заслонить грубости первоначальнаго воспитанія. Генераль Арбузовъ усвоилъ себѣ такую дикую фразеологію съ подчиненными ему офицерами, особенно во фронтѣ, что она прославилась въ цѣлой гвардіи, даже въ то время, когда начальники вообще не очень заботились о деликатности фразъ при обращеніи къ подчинен-

нымъ. Напримѣръ, ему ничего не стоило сказать полковнику: «Что вы, сударь, архіереемъ-то раздѣзжаете передъ баталіономъ,—командуйте!» или закричать на другаго полковника, который, равняя офицеровъ въ колоннѣ, въ косу, назвалъ кого-то Иваномъ Ивановичемъ: «Какого вы, полковникъ, нашли въ строю Ивана Ивановича? Тутъ офицеры, имѣющіе только чины и фамиліи: капитанъ такой-то, вправо! Поручикъ такой-то, влѣво! Вотъ какъ долженъ приказывать знающій свое дѣло баталіонный командиръ, а вамъ все мерещатся какіе-то Иваны Ивановичи. Полковникъ, полковникъ! А еще баталіонъ получили! Сдѣлайте-же ваше одолженіе, не будьте передъ фронтомъ чопорною барынею!» Или, наконецъ, при ошибкѣ на линейномъ ученіи третьяго полковника, чуть не заревѣтъ, оборотясь къ полковому адъютанту: «Святая заступница, отчего это нельзя и полковниковъ валять палочьемъ!» Положимъ, что этого плачевнаго возгласа самъ виноватый и не слыхалъ, но довольно, что его слышали два-три офицера и два-три десятка разныхъ ротозѣевъ, которые обыкновенно торчатъ у хвоста лошади всякаго начальника, производящаго ученіе на Царицыномъ лугу.

Но это фразы только для образца, пришедшія скорѣе другихъ на память; случались-же и гораздо почище этихъ; и сколько подобныхъ прелестей было переслушано подчиненными и расточено своеобразнымъ краснорѣчіемъ генерала, изучившаго ихъ въ омутѣ Дворянскаго воспитанія!

Но если-бъ возможно было уничтожить эти фразы и вычеркнуть ихъ вовсе изъ памяти, то нельзя не сознаться, что генераль Арбузовъ былъ наотличнѣйшимъ полковымъ командиромъ. Онъ былъ педантикомъ въ попеченіяхъ о солдатѣ; ежедневно и своеглазно наблюдалъ онъ за солдатскою пищею, за номѣщеніемъ солдата въ казармахъ; предоставлялъ ему разныя удобства, напримѣръ: въ городѣ—бани, устройство съ полнымъ вниманіемъ пріемнаго покоя для заболѣвающихъ, а при зимнихъ походахъ—обиліе полушубковъ и другихъ теплыхъ принадлежностей; все это показывало личность разумную, могущую стать въ примѣръ даже современнымъ гуманикамъ; но все это парализировало оиять-таки первоначальное воспитаніе, почерпнутое въ извѣстной трущобѣ: на основаніи добытыхъ именно тамъ принциповъ, самый, повидимому, попечительный начальникъ находилъ для себя возможнымъ смотрѣть сквозь пальцы, какъ оберегаемыхъ имъ солдатиковъ пороло каждое благородіе очертя голову; я самъ видѣлъ въ комфортабельномъ покоѣ для заболѣвшихъ и слабыхъ одного полковаго музыканта, который лежалъ на животѣ, уткнувшись носомъ въ подушку и тяжело дышалъ. «Что съ нимъ?» спросилъ я у фельд-

шера.—«Наказанъ адъютантомъ», отвѣтилъ тотъ. «И какъ видно порядочно?» доспросилъ я.—«Нестоко, ваше благородіе: отъ поясницы до подколѣнокъ вся шкура изорвана розгами!» пояснилъ фельдшеръ. Я вышелъ и невольно вздохнулъ, видя, какъ недостатокъ воспитанія въ человѣкѣ разрушаетъ его-же собственныя распоряженія, внушенныя здравымъ разумомъ. Можно-ли послѣ этого признать вполне достигающимъ цѣли покойное помѣщеніе для больныхъ, если въ числѣ больныхъ являются туда личности съ ободранною розгами шкурою!

Что-же касается до подготовительнаго образованія солдата въ казармахъ, веденіи его на службѣ, правильной постановки въ строй и блестящаго щегольства цѣлаго строя, то Арбузовъ являлся тутъ истиннымъ жрецомъ фронтоваго дѣла.

Я былъ свидѣтелемъ, какъ онъ однажды представлялъ свой полкъ на инспекторскій смотръ дивизіонному начальнику, назначенному изъ арміи; тутъ онъ былъ просто великолѣпенъ. Дивизіонный начальникъ поминутно ступевывался передъ капитальнымъ знаніемъ полковаго командира, вертѣлся передъ нимъ, какъ бѣсъ передъ заутренею, робѣлъ вдаваться въ подробности и затруднился дѣлать распросы, боясь какъ-бы въ чемъ нибудь не опростоволоситься въ виду подчиненныхъ и былъ радъ-радехонекъ, когда могъ безъ нарушенія приличія окончить смотръ и улепетнуть во своеси отъ подобнаго доки.

И впослѣдствіи, когда ген. Арбузовъ имѣлъ несчастье лишиться аксельбанта за бездѣйствіе въ комитетѣ о раненыхъ, та-же строевая специальность вывезла его и тутъ: онъ торжественно получилъ аксельбантъ во второй разъ именно за то, что сдумѣлъ образоватъ, въ самый короткій срокъ, резервные гвардейскіе полки и представилъ ихъ на смотръ Государю Императору въ отличномъ видѣ. Словомъ: въ казармахъ, на плацу, въ экзерциргаузѣ, въ лагерѣ подъ Краснымъ — генер. Арбузовъ пользовался полнѣйшимъ авторитетомъ закаленного фронтовика и распоряжался въ полку такъ-же твердо и самоувѣренно, какъ распоряжается старый мельникъ на собственной мельницѣ, въ которой все до малѣйшей мелочи улажено имъ собственноручно. На маневрахъ-же, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, гдѣ уже требовались нѣкоторыя научныя свѣдѣнія, онъ былъ совершенно другой—онъ былъ просто жалокъ; по объ этомъ послѣ.

Генераль Арбузовъ, въ качествѣ полковаго командира, имѣлъ возлѣ себя двухъ помощниковъ или, вѣрнѣе, двухъ агентовъ-наперсниковъ; одного—по строевой части и личному составу полка, другаго—по хозяйственно-финансовымъ оборотамъ и соображеніямъ.

Первымъ былъ полковой адъютантъ, штабсъ-капитанъ Александръ Александровичъ Стахіевъ, по природѣ, человѣкъ съ хорошими на-

чалами, весьма не глупый и даже довольно начитанный. Онъ былъ строго исправенъ по исполненію своихъ служебныхъ обязанностей, но дѣлалъ все какъ будто насильственно, со злостью; можетъ быть потому, что въ сущности онъ былъ лѣнивъ, какъ хомякъ; относительно лично себя онъ оставался безпечнымъ до идиотства и дома впадалъ въ неряшество; кромѣ какъ по дѣламъ службы, никуда не выѣзжалъ, и такою жизнью, замкнутою въ районѣ служебно-казарменной обстановки, былъ перепорченъ до того, что не шутя считалъ необходимымъ условіемъ для каждого истиннаго служаки пороть пижнихъ чиновъ за каждую вину, большую и малую, отнюдь не допуская зловреднаго словотолченія, какъ-то: замѣчаній, внушеній, выговоровъ и другихъ «чисто-дамскихъ» приемовъ, которые, по его мнѣнію, вовсе неумѣстны въ военномъ быту и только ведутъ къ порчѣ людей. При такихъ понятіяхъ, при потворствѣ и неограниченномъ довѣріи къ нему генерала, Стахіевъ былъ какимъ-то полковымъ пугаломъ. Съ младшими офицерами онъ обходился просто деспотически; по одной его прихоти, неугодный ему офицеръ маршировалъ въ караулъ или на Костыльскій въѣздъ, или къ Нарвской заставѣ, или долженъ былъ, противъ воли, пользоваться слишкомъ свѣжимъ воздухомъ, не сходя цѣлый день съ платформы у сената или главнаго адмиралтейства; излюбленныя-же адъютантомъ отправлялись въ караулы на покой: въ ордонансъ-гаузъ или въ комиссаріатъ; а избраннымъ предоставлялись въ караулъ и покой, и даровой столъ, и даже общество товарищей — на главной гауптвахтѣ. И все это дѣлалось положительно по одной прихоти Стахіева, безъ соблюденія какой-либо правильной очереди; а кто заявлялъ претензію, тому готова была въ отвѣтъ стереотипная фраза: «Если не угодно идти туда въ караулъ, такъ пойдете туда-же подъ караулъ!» И никакой аппеляціи противъ подобной формулы не было. Къ старшимъ офицерамъ Стахіевъ относился заносчиво, стараясь дать понять каждому, что онъ-то одинъ и есть настоящая сила въ полку, вліяніе которой охотно поддерживаетъ генералъ, а нерѣдко и самъ ей подчиняется; и это проявлялъ онъ чрезвычайно комично, чему много способствовала его непрезентабельная наружность: онъ былъ маленькій, кругленькій офицерикъ съ низколобымъ черепомъ, длиннымъ туловищемъ, толстенькими ножками и коротенькими ручками; и когда, возложивъ на чело свое остроконечную каску, онъ передъ кѣмъ-нибудь принималъ внушительную позу, то своею фигурою напоминалъ прескверно сдѣланную свайку, обороченную острымъ концомъ къ верху. Все это, однако-жъ, нисколько не мѣшало Стахіеву быть въ полку маленькимъ Аракчеевымъ, со всѣми замашками, присущими этому недавнему народному страшилищу: безгранич-

нимъ себялюбіемъ, отвратительною мелочностью, неотразимою придиричивостью и безпощадною жестокостью; на основаніи такихъ данныхъ, Стахіевъ и откалывалъ зачастую предиковинныя колѣнца; одно изъ нихъ онъ выкинулъ лично со мною.

Къ матушкѣ Ростовцова явилась какая-то знакомая, весьма состоятельная провинціалка, съ просьбою похлопотать объ опредѣленіи сына ея на службу въ Павловскій полкъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ былъ помѣщенъ на жительство къ кому-нибудь изъ благонадежныхъ офицеровъ, преимущественно къ небогатому, такъ какъ она можетъ предоставить сыну хозяйственную обстановку вполне достаточную для двоихъ; офицеръ-же съ своей стороны уже съ избыткомъ вознаградитъ ее за это своимъ добросовѣстнымъ наблюденіемъ надъ ея сыномъ. Ростовцовъ переговорилъ объ этомъ съ Арбузовымъ, указавъ на меня; тотъ одобрилъ выборъ, и дѣло между нами сладилось. Я былъ представленъ провинціальной барынѣ, которая, очевидно, хотѣла пустить мнѣ пылъ въ глаза своими брилліантовыми перстнями и пошлою говорливостью съ претензіями на остроуміе; но сынъ показался мнѣ мальчикомъ неслухимъ и неиспорченнымъ для того, чтобы можно было безъ опасенія принять добросовѣстный надзоръ за нимъ. Дня черезъ три, квартира моя была приспособлена для двухъ жильцовъ, убрана и меблирована отлично. Распоряжавшійся этимъ дворецкій барыни объявилъ моему деньщику, что онъ принесетъ на другой день разную посуду и приведетъ повара для прислуги молодому барину, и что сама барыня прійдетъ завтра ко мнѣ, когда уже будетъ все готово, чтобы обо всемъ хорошенько условиться, и привезетъ хлѣбъ-соль на новоселье.

На другой день я безъ очереди выбрился, одѣлся и сталъ поджидать визита; но прошелъ день, прошелъ другой, третій—ни слуху ни духу, ни о дворецкомъ съ посудой, ни о самой барынѣ! Я пошелъ въ канцелярію справиться, не извѣстно-ли тамъ чего нибудь? Полковой писарь не зналъ ничего; но за то зналъ кое-что писарь казначейскій: онъ сообщилъ мнѣ, что названный мною дворянинъ вѣроятно въ полкъ не поступитъ, потому что на-дняхъ онъ, вмѣстѣ съ матерью, что-ли, встрѣтился на лѣстницѣ полковому адъютанту, который сказалъ барынѣ, чтобы она ни за что не отдавала сына подъ мой присмотръ, если не хочетъ послѣ горько раскаиваться. Барыня, замахавъ руками, сказала: «Ну васъ, прости Господи! Такъ и совсѣмъ не надо!» И побѣжала съ лѣстницы, крестясь и отплевываясь на обѣ стороны.

Когда я спросилъ Стахіева, на чемъ основалъ онъ свое мнѣніе, что если-бы мать отдала подъ надзоръ ко мнѣ своего сына, то стала-бы потомъ раскаиваться, онъ отвѣчалъ на это:

— «А развѣ трудно было напередъ спроситься меня? Нѣтъ—вамъ прямо къ генералу! Ну, вотъ вамъ и генералъ! Всегда, если захочется остаться навѣрное съ носомъ, начинайте не съ меня, а съ генерала».

Надо-ли было что-нибудь говорить въ опроверженіе подобной логики!

Душевно радуюсь, что представился мнѣ въ жизни случай расквитаться со Стахіевымъ по-своему. Когда, въ послѣдствіи, онъ потерялъ мѣсто кронштадтскаго полиціймейстера и принужденъ былъ выйти со-всѣмъ въ отставку, сильно терпя отъ недостатковъ, а я служилъ въ штабѣ у Ростовцова и имѣлъ уже возможность выхлопывать кой-кому пособіе, то я не затруднился надоѣдать Якову Ивановичу просьбами за Стахіева, и когда однажды я вручилъ ему сумму гораздо значительнѣе той, на которую можно было разсчитывать, онъ, со слезами на глазахъ, протянулъ мнѣ руку и, потупясь, пробормоталъ: «я съ тобой поступалъ прежде иначе....» Я горячо пожалъ протянутую мнѣ руку и почти убѣдился, что Стахіевъ былъ человѣкъ не дурной по натурѣ, но безхарактерный въ высшей степени, не имѣвшій настолько нравственной силы, чтобы охранить человѣческое достоинство отъ вліянія грубыхъ побужденій пѣтушьяго самолюбія,—онъ увлекся ролью казарменнаго тиранчика, поддался ей и проржавѣлъ насквозь ¹⁾.

Говоря о Стахіевѣ, невозможно умолчать объ его крѣвнѣйшемъ слугѣ «Мишкѣ», извѣстномъ, въ свое время, подъ этимъ именемъ не только всему полку, но почти цѣлому красносельскому лагерю. Мишка дополнялъ собою характеристику своего барина, которому служилъ онъ усердно и преданно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно своеобразно. Стахіевъ ругалъ Мишку съ утра до вечера, но однако-жъ никогда не билъ, и Мишка стойко исполнялъ предназначенное ему дѣло, распоряжаясь личностью своего барина и не обращая ровнехонько никакого вниманія на его крикъ и ругательства. Стахіевъ, напримѣръ, очень трудно пробуждался утромъ, особенно по зимамъ, а между тѣмъ каждое утро, къ 11 час., онъ обязанъ былъ являться въ Михайловскій дворецъ, съ рапортомъ къ великому князю; Мишка-же возненавидѣлъ-бы самого себя, если-бы допустилъ барина опоздать, а потому и принимался всегда заблаговременно будить его; но на первый разъ получалъ обыкновенно въ отвѣтъ: «Пошелъ вонъ, дуракъ!» Спустя нѣсколько минутъ, Мишка принимался будить вторично; отвѣтъ былъ тотъ-же

¹⁾ Александръ Александровичъ Стахіевъ изъ портупей-прапорщиковъ произведенъ въ офицеры въ л.-гв. Павловскій полкъ въ 1819 г.; въ чинѣ полковника—назначенъ въ Кронштадтъ полиціймейстеромъ въ 1840 г.

самый съ прибавленіемъ какого-нибудь ругательства; Мишка будилъ и въ третій разъ, но ужъ тутъ сыпался на него цѣлый потокъ непечатныхъ фразъ. «Да что это будетъ и въ самомъ дѣлѣ!» восклицалъ Мишка, бросался къ бритвенному столу, хваталъ оловянную лаханочку, разводилъ въ ней бритвенною кисточкою мыло, напѣнивалъ ее до самыхъ краевъ и, уже не говоря ни слова, принимался мазать соннаго барина по бородѣ, по губамъ, по носу, словомъ—гдѣ попало, не жалѣя мыльнаго матеріала; а чуть раздавалось рычаніе, онъ зажималъ барину ротъ мыльною кисточкою. Стахievъ бѣшено вскакивалъ съ постели, проворно опускалъ ноги въ туфли-шлепалы, подбѣгалъ въ одной рубашкѣ къ бритвенному столу, отплевываясь отъ попавшаго въ ротъ мыла, и поневолѣ принимался очищать бороду бритвою; послѣ чего Мишка, для выигранія времени, уже не подавалъ барину умываться, а собственноручно обтиралъ ему лицо, какъ младенцу, сперва мокрымъ концомъ полотенца, а потомъ сухимъ, и потомъ, не давая много разговаривать, принимался одѣвать его, подавая, что слѣдовало, одно за другимъ, не переводя духа. Стахievъ брыкался коротенькими ручками, ворчалъ, но покорился, и, наконецъ, схватя съ конторки дневной рапортъ, подписанный имъ съ вечера, подставлялъ плечи подъ шинель; Мишка нахлобучивалъ на него шляпу, а онъ хваталъ перчатки и отправлялся учащенными шажками по галлерей; Мишка шелъ съ нимъ рядомъ до саней и всю дорогу поилъ его остуженнымъ чаемъ изъ фаянсовой кружки; остатокъ чая Стахievъ проглатывалъ уже сидя въ саняхъ. Тутъ Мишка считалъ свои утреннія обязанности передъ баринкомъ оконченными, бралъ отъ него кружку и возвращался домой бѣгомъ; а Стахievъ, крикнувъ кучеру обычное: «пошелъ живѣй!» скрывался за воротами казармъ.

Но былъ-ли маленькій Аракчеевъ «преданъ безъ лести» своему патрону, этого, я думаю, онъ и самъ не зналъ хорошенько, по той простой причинѣ, что провѣрка внутреннихъ ощущеній къ обязанностямъ полковаго адъютанта не относилась, а этого и было для него довольно.

Другимъ паперсникомъ ген. Арбузова, по хозяйственной части, былъ полковой квартирмейстеръ, губернской секретарь Василій Никитичъ Поповъ, возникшій изъ старинныхъ фельдфебелей того-же полка. Это былъ преоригинальный господинъ, діаметрально противоположный маленькому Аракчееву; во-первыхъ, онъ былъ чуть не въ печатную сажень ростомъ; его громадная голова съ круглою лысиною, на подобіе опрокинутаго чайнаго блюдечка, была острижена подъ гребенку, по-солдатски; лицо его, всегда гладко пробритое только по срединѣ бороды, красовалось такою могучею растительностью, что ее, казалось,

удобнѣе было расчесывать граблями, нежели гребенкою; у Василья Никитича даже въ ушахъ произрасталъ какой-то сѣрый кустарникъ; большіе глаза его, подъ навѣсомъ бурыхъ бровей, отсвѣчивались зеленому штофнаго стекла и, по совершенному отсутствію всякой экспрессіи, скорѣе походили на стеклышки, вставленныя въ переносную панораму, чѣмъ на человѣческій органъ, способный выражать мысли безъ помощи словъ; губы Василья Никитича, изображая двѣ толстыя сосиски темпо-брусничнаго цвѣта, сильно выдавались впередъ и были придавлены широчайшимъ носомъ съ приподнятыми къ сторонамъ ноздрями; зубы, повыбитые отчасти прежнимъ начальствомъ Василья Никитича, походили на погорѣлую деревню; въ сходствѣ этомъ легко было убѣдиться, когда брусничныя сосиски широко разверзались для отданія какого-нибудь приказанія или для частнаго смѣха: по службѣ Василій Никитичъ не смѣялся. Верхняя часть спины Василья Никитича, съ вѣчно приподнятыми плечами, представляла часть прямоугольника, похожаго фигуурою и размѣрами на задній фасъ одномѣстной кареты, а средняя часть его туловища была развита до того благодатно, что если-бы Василья Никитича мысленно разсѣчь параллельно горизонту, по самой срединѣ живота, и нижній отрѣзокъ накрыть салфеткою, то представился-бы круглый столъ, достаточный для трапезы четырехъ полу-голодныхъ прапорщиковъ. Въ цѣломъ, Василій Никитичъ, особенно, когда онъ стоялъ неподвижно въ размысленіи надъ водосточною рѣшоткою казарменнаго двора въ своей вылинялой до желтизны шинели, напоминалъ малороссійскій тюкъ съ шерстью, поставленный на распути торчкомъ, и на которомъ, по срединѣ, сидѣла большая птица, прикрытая форменною фуражкою.

Все въ казармахъ, что относилось къ хозяйству, подлежало вѣдѣнію и прозорливому наблюденію Василья Никитича: дрова, обозъ, кухня, швальня, весь провіантъ и всяческая провизія, словомъ—все. Главная дѣятельность Василья Никитича сосредоточивалась обыкновенно въ предѣлахъ конюшеннаго двора казармъ; дворъ этотъ, хотя и не былъ изъятъ отъ свирѣпствовавшей эпидеміи поротья, но какъ Василій Никитичъ, во время долготѣней служебной опытности, изучилъ весьма тонко впечатлѣнія всѣхъ отгѣнковъ, производимыя на человѣческую организацію поротьемъ, то и имѣлъ свой собственный взглядъ на этотъ предметъ, и далеко не сочувствовалъ ему; вслѣдствіе чего, на конюшенномъ дворѣ только въ минуты посѣщеній маленькаго Аракчеева раздавались вопли отъ березоваго уязвленія, и потому они были рѣдки. Взамѣнъ того, на богоспасаемомъ дворѣ безпрестанно раздавался зычный голосъ самого Василья Никитича, выходившій то изъ низменностей вонючихъ погребовъ съ кислую

капустою, то съ пространной долины обознаго сарая, то съ высоты благо-
воннаго по временамъ сѣновала, то изъ вѣчно сыраго и неопрятнаго
проулка между полѣпницами дровъ. Населеніе, окружавшее конюшен-
ный дворъ, состоявшее изъ кучеровъ, фурлейтовъ, мастеровыхъ
двадцати названій и разныхъ прислужниковъ, благоговѣло передъ име-
немъ Василья Никитича никакъ не менѣе того, насколько благого-
вѣли двадцать европейскихъ народовъ передъ именемъ Наполеона I.
Если-бы Василій Никитичъ, изъ какихъ-нибудь полковыхъ соображе-
ній или отъ простаго головокруженія, захотѣлъ только, чтобы его при-
знали непогрѣшимымъ, то весь этотъ разнохарактерный, подвѣдом-
ственный ему людъ призналъ-бы его таковымъ единогласно—на всемъ
протяженіи конюшеннаго двора.

Жаль, что этотъ краеугольный камень полковаго хозяйства, въ
концѣ-концовъ, все-таки надломился отъ шаткости нравственныхъ на-
чалъ бурбонскаго закала; долго и стойко держался онъ противъ гро-
шевыхъ корыстныхъ соблазновъ казарменнаго круговорота; но не
смогъ устоять противъ крупнаго обольщенія корысти внѣ хозяйства:
въ одну изъ ночей, вѣроятно очень бурную для него, онъ, подъ влія-
ніемъ русскаго «авось!», продулъ въ карты нѣсколько тысячъ гене-
ральскихъ денегъ, бывшихъ случайно при немъ.

На другой-же день, утромъ, Василій Никитичъ, смятенный, рас-
трепанный, въ порывѣ безплоднаго раскаянія, палъ на колѣни передъ
своимъ патрономъ и положилъ къ стопамъ его превосходительства
виновную голову; тотъ, словно ужаленный, взвылъ отъ негодованія,
отвѣтилъ собственнымъ карманомъ за чужой грѣхъ, а грѣховнаго на-
персника подвергнулъ ostracismу; но безъ особеннаго позора, потому
что Василій Никитичъ могъ вскорѣ очутиться городничимъ въ г.
Вольскѣ, Саратовской губерніи, гдѣ уже отличался только тѣмъ, что
считалъ непремѣнною для себя обязанностью повергаться всею туч-
ностью на церковный полъ, когда священникъ провозглашалъ много-
лѣтніе градоначальникамъ.

Кромѣ двухъ описанныхъ официальныхъ агентовъ полковой власти,
ген. Арбузовъ имѣлъ всегда подъ рукою и частнаго домашняго агентика
изъ фронтовыхъ офицеровъ, который съ необыкновенною быстротою и
точностью передавалъ все, что говорилось и дѣлалось въ самыхъ со-
кровенныхъ уголкахъ офицерскихъ квартиръ.

Нельзя не удивляться, что ген. Арбузовъ, обладая хорошимъ прак-
тическимъ умомъ, не могъ уразумѣть самой простой истины, что на-
чальникъ, допуская къ себѣ наушника, добровольно отдаетъ себя подъ
вліяніе такой зазорной личности, самая профессія которой уже ру-
чается за полнѣйшее отсутствіе въ ней всякихъ нравственныхъ до-

стоипствъ; а почтенный жрецъ строевой мудрости былъ особенно падокъ на интимныя свѣдѣнія, которыя, не принося никакой служебной пользы, раздражали только въ немъ самомъ напрасную подозрительность противъ офицеровъ и ставили его въ какія-то враждебныя отношенія къ подчиненнымъ, безъ всякой причины и надобности. Генераль, при воспитаніи въ извѣстномъ омутѣ, не могъ приобрѣсть умѣнья владѣть собою настолько, чтобы молча презирать сплетни; напротивъ, онъ считалъ полезно-эффектнымъ дѣломъ и правомъ военной власти оглашать домашнія дразги публично передъ цѣлымъ полкомъ. Этотъ печальный результатъ крайняго невоспитанія совершался обыкновенно подобно слѣдующему случаю:

Однажды, поручикъ Б. провелъ у себя въ квартирѣ веселенькій вечерокъ, въ сообществѣ двухъ театральныхъ сестрицъ, весьма не дурныхъ изъ лица, очень откровенныхъ въ одеждѣ и чрезвычайно ласковыхъ въ осязательномъ обращеніи; того-же вечера, въ другомъ углу казармъ, воспитанный въ лицѣ, подпоручикъ Н. сказалъ товарищамъ, заведшимъ разговоръ о научномъ образованіи своего генерала:

— «Да полноте, господа, онъ первыхъ четырехъ правилъ ариѐметики не знаетъ!»

Домашній агентикъ, пользуясь всевозможными связизками и лазейками, какъ-бы онъ грызны и гнусны ни были, разумѣется, не дремалъ. Въ слѣдующее же утро, на репетиціи развода, когда офицеры, наряженные въ караулы, подходили являться генералу, онъ сказалъ подпоручику Н.:

— «Господишъ подпоручикъ Н., помните, что вы держите въ рукахъ офицерскую полусаблю, а не дворническую метлу; извольте-же держать ее по офицерски и салютовать какъ слѣдуетъ. Дурно! извольте еще разъ... Скверно, никуда не годится! То-то и есть, сударь, вы обучались въ лицѣ, вѣроятно съумѣете пересчитать всѣ звѣзды на небѣ! Значить, вы ученый, умникъ! А я вотъ простофиля, не знающій четырехъ правилъ ариѐметики, но все-таки я вашъ начальникъ, и потому, за незнаніе вами своего дѣла, назначаю васъ на дежурство безъ очереди!»

Стахievъ при этихъ словахъ склонилъ голову и приложилъ руку къ шляпѣ—это былъ ему подарокъ.

— «А если вы и завтра, продолжалъ генераль къ подпоручику Н.,—будете салютовать такъ-же скверно, то ужъ, извините, я пошлю васъ доучиваться не въ лицей, а на гауптвахту. Извольте идти, г. профессоръ!»

Затѣмъ, только-что офицеры пришли къ своимъ мѣстамъ и каждый изъ нихъ, сосчитавъ рукой ряды своего караула, сталъ на

флангъ, генералъ, спрятавъ голову въ плечи, такъ что шляпа, надѣтая по формѣ, легла концами на эполеты, направился, тихимъ подходцемъ съ перевальчикомъ, прямо на поручика Б. Эти подходы, выражая какое-то хищное недоброжелательство, не предвѣщали ничего добраго для тѣхъ, на кого были направлены; ихъ называли зловѣщими.

Приблизясь къ избранной на этотъ разъ жертвѣ, генералъ заговорилъ насмѣшливымъ тономъ:

— А позвольте полюбопытствовать, господинъ поручикъ Б., сколько вы изволили насчитать рядовъ въ вашемъ караулѣ?

Надобно замѣтить, что провѣрка рядовъ, которыхъ нельзя уже было измѣнить и которые были рассчитаны прежде, производилась только для формы и въ дѣйствительности ихъ никто не считалъ.

Поручикъ Б. переконфузился, опустил полусаблю и отвѣчалъ на обумъ:

— 12 рядовъ, ваше превосходительство!

— Анъ неправда, сударь, не 12, а 14, засмѣялся генералъ;—зачѣмъ-же это, позвольте спросить васъ, вы изволили разгуливать по фронту, да махать противъ каждаго ряда руками? Не вчерашнихъ-ли своихъ красавицъ считали вы мысленно, господинъ поручикъ? Такъ, что-ли? Это, сударь, не бабы ваши, а гренадеры, имѣю честь доложить! Стыдно, поручикъ—старый офицеръ!

Тутъ онъ отвернулся отъ Б., выпустилъ голову изъ плечъ и запѣлъ подъ носъ: «По-взводно, направо-ди!» Стахіевъ ловко подхватилъ командирскія слова и заоралъ ихъ, какъ говорится, во всю ивановскую.

Грустно было видѣть, какъ начальникъ, во всеоружіи военной власти, желчно глумился надъ подчиненнымъ, и гдѣ-же? — передъ строемъ, когда офицеръ обязанъ былъ оставаться безотвѣтнымъ истуканомъ. Вотъ до чего можетъ довести иногда недостатокъ воспитанія въ начальникѣ!

Тягостна была для офицеровъ злобственная фразеологія ген. Арбузова, отъ которой онъ не могъ отрѣшиться, пока хотъ чѣмъ-нибудь командовалъ; онъ позволилъ себѣ говорить колкости своимъ подчиненнымъ даже въ чужихъ домахъ, если ему казалось, что его подчиненный относится къ нему не довольно подобострастно.

Но если ни одинъ изъ офицеровъ полка не избѣжалъ непріятностей отъ ген. Арбузова на словахъ, то нельзя не сказать, что существеннаго зла онъ не дѣлалъ. У себя въ дому онъ являлся радушнымъ хозяиномъ, былъ очень расчетливъ, а можетъ и не безкорыстенъ въ приглашеніи гостей, но уже для приглашенныхъ отличался

широкимъ хлѣбосольствомъ. Когда онъ былъ уже генераль-адъютантомъ и въ большихъ чинахъ, то нерѣдко приглашалъ и меня, преимущественно вмѣстѣ съ Я. И. Ростовцовымъ,—то на дикую козу, то на живую стерлядку, и это все сопровождалось достаточнымъ количествомъ разныхъ питій высокаго достоинства. Въ своемъ домашнемъ кругу, онъ былъ попечительнымъ отцомъ многочисленнаго семейства, изобиловавшего преимущественно дочерьми. Все его семейство легко опредѣлить однимъ словомъ—прелесть!

III.

Очертивъ характеристику главнаго полковаго созвѣздія, подъ вліяніемъ котораго предстояло мнѣ начать и продолжать службу, я возвращаюсь къ 27 числу (25) марта 1828 года, когда произведеннымъ л.-гв. въ Павловскій полкъ офицерамъ приказано было явиться въ квартиру полковаго командира. Мы предварительно собрались въ полковой канцеляріи, откуда Стахіевъ отвелъ насъ къ генералу, который сдѣлалъ каждому изъ насъ два вопроса: какъ фамилія и есть-ли состояніе? Оказалось, что фамиліи были у всѣхъ, а состоянія—ни у кого!

Генералъ скривился и плачевно произнесъ: «Да когда-же, Боже мой, перестанутъ давать ко мнѣ въ полкъ только однихъ нищихъ, чтобы надобѣдать о пособіяхъ, да о выдачахъ въ счетъ жалованья!» И практичный генералъ не ошибся въ своемъ заключительномъ выводѣ: тутъ-же, всѣ предназначенные въ турецкій походъ обратились къ нему съ просьбою о выдачѣ денегъ въ счетъ жалованья. «Велико и все-то ваше прапорщичье жалованье!» презрительно возразилъ генералъ и началъ отговариваться неимѣніемъ денегъ; однако-жъ, наконецъ, умилившись и поручилъ Стахіеву передать казначею приказаніе: удовлетворить всѣхъ просившихъ, что и было исполнено только въ самой мизерной пропорціи; послѣ чего всѣ разѣхались; одинъ я отправился въ дежурную комнату, какъ наряженный дежурнымъ по 3-му баталіону; тутъ я спросилъ у одного офицера, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать вслѣдствіе моего наряда? Оказалось, что нужно было сперва ѣхать къ разводу, явиться тамъ дежурному по полку, а потомъ обойти баталіонъ по всѣмъ ротамъ. Я отправился къ разводу и, возвратясь, пошелъ по казармамъ. Меня, при входѣ въ каждую роту, встрѣчалъ унтеръ-офицеръ, рапортуя о благополучномъ состояніи чего-то, а чего именно—я не вслушался, потому что это

былъ первый рапортъ, принятый мною по вступленіи на службу его величества.

Пользуясь дежурствомъ, я обошелъ всѣ офицерскія квартиры, чтобы представиться моимъ будущимъ сослуживцамъ, и хотя не засталъ почти никого изъ нихъ дома, но заслужилъ чрезъ это, благодаря собственно дежурству, аттестацію благовоспитаннаго молодого человѣка, такъ какъ другіе новички не догадались въ первый же день сдѣлать визиты старшимъ.

Тогдашній кругъ офицеровъ л.-гв. Павловскаго полка жилъ, какъ удостовѣрился я, пооглядѣвшись въ этомъ полку, поладливо, и если не составлялъ одной плотной дружеской семьи, то и враждебныхъ отношеній не было слышно ни тогда, ни послѣ. Недостаточность средствъ къ жизни была поголовною офицерскою болѣзнью въ полку: всѣ жили почти однимъ жалованьемъ; не слышно было ни о какихъ веселыхъ сборищахъ ни дома, ни внѣ казармъ; не было въ полку ни одного представителя золотой молодежи, ни одного блестящаго дѣятеля на свѣтской аренѣ, ни одного обладателя хоть какого-нибудь рысачка. Не потому-ли весь полкъ, не исключая и штабъ-офицеровъ, состоялъ изъ холостяковъ? Трудно было пріискать охотницъ поступить въ жены на казенное жалованье; а жалованье тогда было очень умѣренное: прапорщикъ, напримѣръ, получалъ всего 440 рублей ассигнаціями въ годъ, что составляетъ на нынѣшнія (1875 г.) деньги только 130 рублей. Тутъ не на что было разгуляться или заводить жену! А что говорятъ, будто прежній ассигнаціонный рубль былъ равенъ при покупкахъ нынѣшнему серебряному, то это не болѣе, какъ словонизверженіе досужихъ людей: многіе предметы первой потребности были гораздо цѣннѣе, чѣмъ теперь: чай, напримѣръ, тогда нельзя было пить ниже 10 рублей за фунтъ и то онъ былъ хуже нынѣшняго двухъ-рублевого; сахаръ, свѣчи были дороже теперешняго, а карманные часы, также необходимая потребность для офицера, были вчетверо дороже, чѣмъ нынче. Вздорожали преимущественно квартиры и только однѣ онѣ дошли отъ ассигнаціоннаго рубля до серебрянаго; но квартиры у офицеровъ были казенныя, каковы ужъ ни были, но все-таки были, а чаю у иныхъ прапорщиковъ не бывало по цѣлымъ недѣлямъ, о рысачахъ-же имъ не видѣлось и во снѣ.

Тогда во всемъ полку, кромѣ генеральскаго семейнаго экипажа, было всего двое дрожекъ старинной конструкціи, прозванныхъ потомъ гитарами, у которыхъ сидѣнье было продольное, такъ что первый сѣдокъ помѣщался на нихъ верхомъ, а второй садился поперекъ дрожекъ, между кучеромъ и колѣнями перваго сѣдока, а въ случаѣ своей мясности, захватывалъ и колѣни перваго.

Одну изъ этихъ гитаръ возила сивая лошадь, принадлежавшая полковнику Мандерштерну, кому-же принадлежала другая гитара—это покрыто мракомъ неизвѣстности; на ней выѣзжалъ каждый день Стахѣевъ съ рапортомъ, ѣздилъ полковой казначей за жалованьемъ, катался домашній агентикъ, ѣздилъ, наконецъ, и самъ генераль, — иногда одинъ, иногда съ адъютантомъ на колѣняхъ, и тогда направление поѣздки было непременно къ Михайловскому дворцу; если-же все пространство гитары, отъ самой груди генерала вплоть до кучерской спины, наполнялось мясистыми членами Василя Никитича, то поѣздка направлялась преимущественно въ далекія Чекуши, гдѣ и отецъ-командиръ, и его сподручникъ рылись часа три въ разныхъ сырыхъ шкурахъ, отдавали ихъ въ выдѣлку, приторговывались къ шкурамъ уже выдѣланнымъ, и вслѣдствіе этого шкуро-обзорнаго процесса, сапожная статья въ Павловскомъ полку была всегда превосходна; другіе полки много приплачивали на эту статью, но все-таки не достигали сравненія съ Павловскимъ полкомъ; а Василій Никитичъ, раскраивая на солдатскіе сапоги шкуры, добытыя изъ первыхъ рукъ, умѣлъ и тутъ выкраивать маленькую экономію. Да и все хозяйство у ген. Арбузова совершалось точно такимъ порядкомъ, опровергая на каждомъ предметѣ старинную пословицу: «И дешево, да гнило!» У него, напротивъ, дѣлалось все и дешево, и мило.

Вскорѣ послѣ моего производства въ прапорщики л.-гв. Павловскаго полка, 1-й и 2-й баталіоны выступили въ турецкій походъ; съ ними ушли и командиръ полка, и маленькій Аракчеевъ, и домашній агентикъ; изъ всего главнаго созвѣздія остался дома только хозяйственный запѣвало, какъ собственный глазъ ген. Арбузова, Василя Никитичъ, на котораго были возложены и обязанности нашего казначея. Представителемъ-же полка въ Петербургѣ явился командиръ 3-го баталіона, полковникъ Августъ Егоровичъ Мандерштернъ.

Въ то-же время были назначены командующими: всѣми войсками, расположенными въ столицѣ — ген.-адъютантъ Николай Ивановичъ Демидовъ, всею пѣхотою—ген.-адъют. Матвѣй Евграфовичъ Храповицкій, всѣми гвардейскими баталіонами—ген.-майоръ Александръ Дмитріевичъ Нефловъ.

Такимъ образомъ, моя офицерская служба началась въ отдѣленномъ отъ полка баталіонѣ, подъ начальствомъ полковника Мандерштерна, котораго я очень хорошо могъ изучить, потому что черезъ двѣ недѣли былъ назначенъ къ нему баталіоннымъ адъютантомъ, на мѣсто выбывшаго подпоручика Палибина, назначеннаго въ должность старшаго адъютанта въ дежурство къ ген. Нефлову. Этимъ назначеніемъ я былъ обязанъ указанію офицеровъ, которымъ такъ удачно сдѣлалъ визиты по милости своего дежурства.

Полковникъ Мандерштернъ не отличался представительною наружностью: былъ маленькаго роста, съ широкими плечами, съ хохлатою головою желтаго цвѣта, съ желтыми-же громадными бровями; глаза его имѣли цвѣтъ лососинной шкуры и онъ любилъ ихъ выпучивать, чтобы казаться строгимъ начальникомъ; всегда гладко выбритое и лоснившееся лицо его напоминало цвѣтомъ недоспѣлую рябину и было все одинаково ровнаго колорита, за исключеніемъ сочныхъ губъ, которыя красовались яркостью рябины уже совершенно поспѣлой.

Передъ баталіономъ Августъ Егоровичъ былъ, какъ говорится, суета изъ суетъ; начавъ службу морякомъ, онъ пѣхотный строй зналъ не особенно густо; это, однако-жъ, нисколько не мѣшало ему, когда проходили передъ нимъ взводы, вздергивать руки надъ головою и взмахивать ими тактъ, или присѣдать на корточки, вглядываясь въ солдатскій шагъ, и уже выколачивать тактъ не жалѣя ляшекъ, или вдругъ выскакивать передъ взводъ и, скрючась въ три погибели, маршировать передъ нимъ задомъ, обозначая тактъ дрыганьемъ всѣхъ суставовъ.

Больно было видѣть, какъ хорошій человѣкъ гаерствовалъ, по указанію современной рутины, а подъ этою карикатурною пляскою скрывался именно хорошій человѣкъ, добрѣйшій въ душѣ и честнѣйшій до ребячества во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ. Къ несчастію, любимымъ конькомъ полковника было желаніе разыгрывать постоянно роль сердитаго командира, и вслѣдствіе именно этого непонятнаго принципа, отвратительные поронцы сохранились для 3-го баталіона во всей ихъ язвительной силѣ и со всею спектакльною обстановкою. Дѣйствующихъ-же лицъ для представленія экзекуціонныхъ зрѣлищъ искать было недолго: весь баталіонъ состоялъ преимущественно изъ новобранцевъ, такъ что гвардейскихъ баталіоновъ не велѣно было посылать въ караулы, пока не приучатся къ строю; а тогда было немислимо приготовленіе рекрутика въ строй безъ пособія палки. Пользуясь этимъ удобнымъ случаемъ, полковникъ Мандерштернъ имѣлъ возможность выѣзжать очень часто на своемъ любимомъ конькѣ: бывало, во время ружейныхъ пріемовъ, кто-либо въ строю поторопится или отстанетъ, сейчасъ-же его, раба Божія, передъ строй; изъ-за фронта, словно ястребы, вылетятъ два утеръ-офицера, велятъ неопытному зѣвакѣ поставить передъ собой ружье и опереться на него руками, а сами, загнувъ ему суму на спину, примутся обнаженными тесаками отшлепывать его плашмя по мягкимъ частямъ; рекрутикъ, взвизгивая подавленнымъ голосомъ, сперва неистово втаптывается каблуками въ землю, потомъ начинаетъ вспрыгивать какимъ-то козерогомъ и, наконецъ, принимается выкидывать ногами

разныя колѣнца дрыгательнаго свойства и орать во всю глотку, пока не послѣдуетъ возжелѣнное слово: полно! Фронтъ стоитъ испуганно, съ вытянутыми лицами, имѣя въ виду всю возможность каждому запрыгать сейчасъ-же козерогомъ, а добродушный по натурѣ Августъ Егоровичъ важно приподнимаетъ голову, какъ будто говоря строго: «Видите-ли, какой я строгій, со мною не шутите!» И все это дѣлалось безъ малѣйшаго побужденія къ жестокости, безъ всякаго убѣжденія въ надобности подобной мѣры; дѣлалось такъ, развѣ только для поддержанія гнусной мысли, что будто, въ виду солдатскаго назиданія, необходимо имъ показывать почаще козло-дрыгательные спектаклики передъ строемъ.

Да трудно было тогда и не заразиться мелкому начальнику этою варварскою эпидеміею; однажды я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ генералъ Храповицкій, командовавшій 3-ю гренадерскою дивизіею, пріѣхавъ на репетицію развода одного изъ баталіоновъ своей дивизіи, послѣ перваго-же ружейнаго пріема, сказалъ:

«Тутъ мнѣ смотрѣть нечего, учите! А вотъ завтра я ужъ посмотрю по своему: приготовьте-ка палокъ!»

И такое приказаніе не показалось тогда никому дикимъ. Впрочемъ, эта палочная фраза глубоко засѣла въ мою голову, такъ что по прошествіи почти 50 лѣтъ она свѣжо припомнилась мнѣ, какъ будто сказанная вчера.

Были, однако-же, случаи, когда и Мандерштернъ злился не на шутку и выходилъ изъ себя отъ негодованія—это побѣги рекрутиковъ, что бывало довольно часто и, разумѣется, бросало тѣнь на служебное достоинство ротныхъ и баталіонныхъ командировъ. Въ то время, первый изъ службы побѣгъ, если не было никакихъ другихъ винъ, оканчивался обыкновенно прогнаніемъ сквозь строй черезъ 500 человѣкъ.

И солонны-же приходились эти 500 шпирцутеновъ трусливымъ пасынкамъ военной службы; тутъ сердитый полковникъ выказывалъ себя, что называется, на славу: онъ ѣхалъ верхомъ сзади карающаго строя, съ мѣломъ въ рукѣ, и за малѣйшее послабленіе удара ставилъ добродушному солдатику мѣловой крестъ на спинѣ; отмѣченныя спины, вслѣдъ за парадною экзекуціею, были немедленно и тутъ-же покрываемы сине-багровыми узорами отъ палокъ. Свириѣвствовавшій полковникъ обыкновенно приказывалъ мнѣ ѣхать съ другой стороны строя, вооружась тоже обличительнымъ мѣломъ; но съ моей стороны какъ-то мѣловыхъ крестовъ на спинахъ вовсе не оказывалось, за что онъ грозно сверкалъ на меня своими лососинными глазами, вылупляя ихъ до послѣдней возможности изъ орбитъ, и

даже однажды пробурчалъ себѣ подъ носъ: «Право, барышня!» Я не счелъ нужнымъ разслушать эту фразу и, съ самымъ наивнымъ участіемъ, спросилъ его: «Вы, кажется, Августъ Егоровичъ, сегодня что-то особенно не въ духѣ?» Ему, очевидно, хотѣлось захохотать и заругаться въ одно и то-же время, но онъ счелъ за лучшее колънуть лошадь шпорами и дать отъ меня стречка: онъ побаивался немножко продолжительной со мною діалектики, что, однако-жъ, не помѣшало ему очень скоро посягнуть на мою личную свободу.

Какъ-то вечеромъ, зная, что баталіонъ на другой день рано уйдетъ на вольныя работы, я отправился, по обыкновенію, пѣхтурой на Аптекарскій островъ къ семейству Ростовцовыхъ, гдѣ очень долго въ ихъ добродушномъ обществѣ гулялъ по островамъ и, въ виду пріятнаго ужина и накрапывавшаго дождя, рѣшилъ остаться и ночевать на дачѣ. Утромъ я проснулся очень поздно, а потому и отправился въ казармы, позволи себѣ нанять извозчика. Весело припрыгивалъ я на тряской гитарѣ и, вдыхая весенній воздухъ полною грудью, напѣвалъ что-то, выражавшее внутреннее самодовольствіе, присущее молодости, а солнце, приближавшееся уже къ полудню, такъ и окачивало меня благодатною теплотою, электризовавшею весь организмъ мой какимъ-то животворнымъ настроеніемъ. Незамѣтно миновалъ я Каменноостровскій проспектъ, крѣпость, оканчивалъ уже Троицкій мостъ, какъ вдругъ увидѣлъ знакомую сивую лошадку, бѣжавшую трускомъ по набережной, отъ Лѣтняго сада; надъ гитарою свѣтились двѣ остроконечныя каски. Что-бы это значило? подумалъ я, и мнѣ сдѣлалось какъ-то неловко. Стѣхавъ съ моста, извозчикъ мой столкнулся почти носъ къ носу съ сивою лошадкой: на гитарѣ сидѣлъ грозный полковникъ, у него на колѣняхъ торчалъ достопочтенный капитанъ Гурбантъ, оба въ парадной формѣ. Капитанъ не такъ привѣтливо, какъ обыкновенно, отвѣтилъ на мой поклонъ, а полковникъ, грозно кивая изъ стороны въ сторону остроконечнымъ головнымъ уборомъ, скривившимся на бокъ, что-то бормоталъ, очевидно, энергически, потому что заключилъ рѣчь такимъ порывистымъ жестомъ, какъ будто хотѣлъ указательный палецъ воткнуть въ небо. Сивая лошадка отправилась къ воротамъ казармъ, я—то же. Мой благосклонный Августъ встрѣтилъ меня подъ воротами положительнымъ сентябремъ: онъ приблизился ко мнѣ, очевидно, подражая командиру полка, ехиднымъ подходцемъ, уперъ мнѣ чуть не въ глаза свои желтыя брови и, казалось, хотѣлъ убить меня единымъ взглядомъ, но лососинные кружки, сколько онъ ни выдулывалъ ихъ, не могли положительно сверкнуть огнемъ тропической грозы, и новый Катонъ только покачалъ рябиноцвѣтнымъ обликомъ,

простеръ горизонтально десницу и изрекъ: «Извольте отправляться въ дежурную комнату, подъ арестъ, до утра!» Изрекъ—и потонулъ во чревѣ объемистой храмины, именуемой павловскими казармами.

Придя въ дежурную комнату, я послалъ вѣстоваго за баталіоннымъ писаремъ, чтобы узнать, наконецъ, по какому поводу и какал именно возникла безъ меня тревога? Оказалось, что ночью пріѣхалъ въ Петербургъ фельдмаршалъ графъ Сакенъ, и что утромъ, когда люди уже выходили па работы, было прислано изъ дежурства гвардейскихъ баталіоновъ приказаніе о нарядѣ къ фельдмаршалу ординарцевъ отъ нашего баталіона, которымъ и велѣно было прибыть въ Таврическій дворецъ къ 11 часамъ утра; унтеръ-офицеру и рядовому тотчасъ-же приказано готовиться, а изъ офицеровъ назначенъ въ ординарцы былъ я, не по какому-либо соображенію моихъ способностей, достойныхъ представлять параднаго ординарца, а потому, что у меня имѣлись лѣтніе штаны со штрипками, безъ тогдашнихъ штиблетныхъ оконечностей, бывшихъ у панталонъ фронтовыхъ офицеровъ, а также были у меня и сапоги со шпорами; эти-то два атрибута гардеробнаго снадобья и были нужны въ данную минуту, какъ неизбѣжная принадлежность ординарческой формы.

Въ семь часовъ утра Мандерштернъ заглянулъ ко мнѣ въ квартиру; тогда случайно былъ у меня мой старый дядька, готовый положить душу за своего барченка; такіе слуги уже вывелись въ Россіи.

«Что, еще спить?» спросилъ полковникъ.

— «Почиваютъ-съ», отвѣчалъ старикъ, полагая, что я скоро возвращусь домой.

«Черезъ полчаса начинай будить!», прибавилъ ранній посѣтитель, и ушелъ.

Ровно черезъ полчаса онъ явился опять и спросилъ:

«Что еще не будилъ? Ну, такъ я самъ разбужу!»

Тутъ мой старикъ признался, что меня дома нѣтъ. Полковникъ окрысился, поднялъ кулаки, заскрежеталъ зубами и убѣжалъ куда-то опрومتью.

Всѣ офицеры ушли съ людьми на работы по настоянію самого-же Мандерштерна, оставался на лицо одинъ капитанъ Гурбантъ, маленький, худенькій, болѣзненный, дышащій, такъ сказать, на ладапъ; его-то, въ неизбѣжной крайности, и долженъ былъ смятенный полковникъ завербовать въ ординарцы. Приступили къ облаченію: принесли мои сапоги со шпорами—широконьки оказались, капитанъ ихъ надѣлъ, словно чулки. Это-бы еще куда ни шло, но когда капитана Гурбанта погрузили въ мои папалоны, то они хватили ему чуть не до горла; ихъ кое-какъ подтянули сверху, обтянули съ боковъ, пере-

шивъ и окоротивъ затяжку съ пряжкой, и подшили вершка на полтора спизу; къ счастью, старикъ мой былъ хорошій портной и усердствовалъ отъ души, чтобы какъ-нибудь выручить барина изъ бѣды; все это онъ исполнилъ проворно и, по возможности, успѣшно передъ нахмуреннымъ лососиннымъ взоромъ, который сталъ понемногу проясняться, и хотя изъ почтеннаго капитана вышелъ такой невзрачный, зелено-сморщенный ординарецъ, какого, вѣроятно, не представляло фельдмаршалу ни одно войско, но все-таки ординарецъ былъ, что и требовалось доказать!

Ровно къ 11 часамъ сивая лошадка ввезла на дворъ Таврическаго дворца свою родную гитару, съ двумя пассажирами—тучнымъ и тощимъ. По счастью, фельдмаршалъ выслалъ адъютанта сказать, что онъ усталъ съ дороги и сегодня ординарцевъ принять не можетъ, но что его сіятельство желалъ-бы ихъ видѣть завтра, въ эти-же самые часы. Мандерштернъ воскресъ, Гурбантъ придержалъ рукою сползавшія панталоны, и оба пассажира сивой лошади отправились во свояси прежнимъ порядкомъ; дорогою они сознались другъ другу, что поѣздка ихъ завершилась полнѣйшимъ успѣхомъ. Я досадовалъ на себя до грусти, тотчасъ-же написалъ къ Гурбанту самую теплую извинительную записку въ моей неосторожности, какъ человѣку, стоявшему вполнѣ человѣчныхъ отношеній и уваженія, потомъ, успокоившись немного, я велѣлъ принести въ дежурную комнату свою рисовальную доску, съ паклеенною на ней картиною, и шкатулку съ красками; я тогда рисовалъ что-то акварелью; но полковникъ, встрѣти на дворѣ казармъ эти артистическія принадлежности, оборотилъ ихъ назадъ и самъ пришелъ ко мнѣ. Тутъ онъ прочиталъ мнѣ длиннѣйшую рацею на тему, что такое лицо, какъ баталіонный адъютантъ, не долженъ оставлять своей квартиры безъ распоряженія, чтобы его можно было отыскать въ каждую данную минуту, и проч., и проч.; въ заключеніе онъ принялъ такую свирѣпую позу, что я сталъ опасаться, чтобы онъ не разразился какимъ-нибудь невѣжествомъ, но онъ только повелительно прогремѣлъ:

— «Извольте, сударь, отправляться въ свою квартиру и быть въ ней подъ арестомъ до утра!»

Онъ исчезъ, а я невольно разинулъ ротъ отъ удивленія, по поводу строгости позитуръ и тона при объявленіи полковникомъ такой совѣтъ не строгой вещи.

Придя домой, я уже не захотѣлъ рисовать и завалился на боковую до самаго обѣда. Старикъ мой все еще побаивался, чтобы фельдмаршалъ не посадилъ меня какъ-нибудь въ крѣпость. О, патріархальная простота, но простота задушевная! гдѣ ты?

Вечеромъ, когда я сидѣлъ за самоваромъ, ко мнѣ вошелъ неожиданный полковникъ; я было хотѣлъ надѣть сюртукъ, но онъ не допустилъ и, присѣвъ къ столу, объявилъ, что я долженъ завтра явиться къ фельдмаршалу въ качествѣ ординарца; я поклонился въ знакъ того, что понялъ приказаніе, и предложилъ непрошенному гостю стаканъ чаю, который тотчасъ-же налилъ и дополнилъ отличнымъ ромомъ, вытасканнымъ изъ погреба, въ граненомъ флаконѣ. Полковникъ сдѣлалъ замѣчаніе, что ромъ въ прапорщичьемъ чинѣ не полагается; я отвѣчалъ, что держу его на случай простуды и для почетнаго гостя; онъ выпилъ стаканъ молча, всталъ и, кивнувъ мнѣ головою, пошелъ, но, взявшись уже за ручку двернаго замка, оборотился и сказалъ:

— «Если вамъ нужно и нынѣшній вечеръ провести гдѣ-нибудь, то я не препятствую, только помните распоряженіе на завтрашнее утро».

Я отвѣчалъ, что было-бы съ моей стороны не деликатно воспользоваться такъ скоро его снисходительностью послѣ моей недавней вины. Онъ выпучилъ на меня свои лососинные кружки, долго и неподвижно наблюдалъ меня и, наконецъ, ни къ селу, ни къ городу, процѣдилъ сквозь зубы: «Щеголь!» и ушелъ. Я проводилъ его до выходныхъ дверей, которыя старикъ мой распахнулъ настежь.

На слѣдующее утро, ординарцы въ Таврическомъ дворцѣ были представлены съ отличнымъ успѣхомъ. Фельдмаршалъ былъ особенно привѣтливъ: онъ, обратясь къ Мандерштерну, говорилъ очень долго, припоминалъ заслуги Павловскаго полка, спросилъ меня, изъ какой я губерніи, гдѣ воспитывался, давно-ли корпусъ въ Москвѣ, откуда переведенъ и гдѣ основанъ?—и на все получилъ удовлетворительные отвѣты. Словомъ, все обстояло благополучно до того, что колорить лица Мандерштерна сдѣлался нѣсколько цвѣтистѣе обыкновеннаго.

Послѣ моего полу-комическаго ареста, я сталъ строже къ себѣ относительно своей должности; къ эполетамъ я уже привыкъ, служебная жизнь моя потянулась невозмутимо, день исчезалъ за днемъ, не представляя ничего интереснаго; сходили, въ свое время, въ лагерь подъ Красное-Село и пришли назадъ, точнехонько такъ-же, какъ многія тысячи военныхъ личностей ходили туда и вернулись обратно. Все было тихо, пока не послѣдовало приказаніе готовить гвардейскіе баталіоны къ разводамъ по 1-му отдѣленію, въ высочайшемъ присутствіи. Вотъ тутъ-то мой желтобровый «суета изъ суетъ» ударился уже въ суету всяческую, и доказалъ это нагляднѣйшимъ образомъ при первомъ-же разводѣ своего баталіона, а именно: когда выровненный окончательно баталіонъ держалъ ружье подъ прикладъ,

въ ожиданіи высочайшаго прибытія, и когда махальный закричалъ: «Государь императоръ изволить ѣхать!»—Мандерштернъ тотчасъ-же, ни дай, ни вынеси, командовалъ: «Ружье къ ногѣ!». По этой командѣ, одни сдѣлали на караулъ, другіе опустили ружья къ ногѣ; генералъ Храповицкій закричалъ, чуть не на весь экзерциргаузъ: «Что онъ дѣлаетъ, сумасшедшій!» По счастью, входная дверь еще не отворилась; баталіонъ, внушенный офицерами, быстро взялъ на плечо; Мандерштернъ пришелъ въ себя, и когда въ воротахъ распахнулась извѣстная калитка и въ ней показался государь императоръ, то раздалась, какъ слѣдуетъ, команда: «Слушай! На кра-улъ!». Грянула музыка и все пошло своимъ чередомъ.

Мнѣ въ этотъ день предстояло разыгрывать роль солиста передъ самымъ лицомъ государя, котораго я имѣлъ счастье увидѣть вблизи только во второй разъ: я, за отсутствіемъ полковаго адъютанта, долженъ былъ командовать разводомъ. Признаюсь, что я ни живъ, ни мертвъ стоялъ передъ всемогущею фигурою императора. Но, Господи, прости мои великія согрѣшенія, не боги-же горшки дѣлаютъ! подумалъ я, и вышелъ съ честью изъ перваго служебнаго испытанія въ высочайшемъ присутствіи.

Разводъ удался: пожаловано было по рублю, по фунту и по чаркѣ на человѣка; когда я сообщилъ объ этомъ своему полковнику, передавъ ему пароль, то онъ тогда только смогъ поправить съѣхавшую совсѣмъ на затылокъ каску, и только тутъ, въ первый разъ отъ начала развода, перевелъ духъ нормальнымъ образомъ.

Около того-же времени въ Павловскихъ казармахъ произошелъ ночной переполохъ: въ первомъ часу, все живущее тамъ стало на ноги, при зловѣщемъ крикѣ: «пожаръ!» Всѣ выбѣжали на воздухъ разузнать—гдѣ и что горитъ. Дымила, какъ сопка, трехъ-этажная башня на первомъ казарменномъ дворѣ, устроенная для помѣщенія ретирадныхъ мѣстъ: что именно горѣло въ ней, еще не было извѣстно, однако-же, пожаръ былъ неизбѣженъ, потому что башня была деревянная, проконопаченная паклею и, сверхъ того, вся обшита смолеными досками; огонь, по всѣмъ вѣроятіямъ, скрывался гдѣ-нибудь за обшивкою. Мандерштернъ послалъ меня извѣстить объ этомъ Николая Ивановича Демидова. Я въ минуту былъ готовъ; но, на бѣду мою, не могъ докликаться извозчика; въ то самое время, какъ я дралъ понапрасну горло, догадливый кучеръ полковника подвелъ мнѣ мою верховую лошадь; я-бы распѣловалъ его на мѣстѣ за такую смѣтливость, но было некогда, и я полетѣлъ на Васильевскій островъ. Демидовъ жилъ тогда въ зданіи перваго кадетскаго корпуса, вверху, гдѣ нынѣ (1875 г.) помѣщается главное управленіе военно-

учебныхъ заведеній. Я прискакалъ къ подъѣзду со двора, который обнесенъ теперь чугуною рѣшоткою, привязалъ кое-какъ лошадь къ одному изъ двухъ фонарей, стоявшихъ у самаго подъѣзда, и вбѣжалъ на верхъ. Къ крайней моей радости, прихожая была освѣщена; въ ней сидѣлъ дремавшій лакей, а въ комнатахъ раздавалась визготня скрипки. Я, сообщивъ наскоро причину моего пріѣзда, просилъ доложить генералу; человѣкъ ушелъ, а я въ щель недотворенныхъ дверей увидѣлъ, какъ Николай Ивановичъ пробѣжалъ черезъ залъ въ одной очень длинной рубашкѣ и со скрипкою въ рукѣ. Человѣкъ, доложившій обо мнѣ, шмыгнулъ черезъ прихожую; я было хотѣлъ остановить его, но онъ, проговоривъ на бѣгу: «карету велѣно подавать!» — стремглавъ исчезъ на лѣстницѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ меня позвали къ генералу: онъ уже надѣлъ мундиръ и, торопливо застегивая пуговицы и выправляя ордена, спрашивалъ меня отрывисто, что такое случилось? Потомъ, застегнувъ послѣднюю пуговицу, побѣжалъ въ переднюю; камердинеръ бѣжалъ возлѣ него, неся шпагу, шляпу съ перчатками и фуражку; я бѣжалъ за ними слѣдомъ; лѣстница и подъѣздъ уже были ярко освѣщены. Николай Ивановичъ, осторожно спускался по ступенькамъ, вдѣлъ шпагу въ португезу, надѣлъ фуражку и взялъ въ руки шляпу съ перчатками; на послѣдней площадкѣ швейцаръ накинулъ на него шинель. Карета стояла уже у крыльца. «Ѣдемъ вмѣстѣ!» сказалъ онъ мнѣ, и потомъ, оборотясь къ стоявшему на подъѣздѣ старшему адъютанту дежурства кадетскихъ корпусовъ, подполковнику Свѣтлову, закричалъ ему, указывая на мою лошадь:

— «Что, батюшка, изволишь попусту глазами-то хлопать! Не видишь, что-ли? Вели принять, да отвести въ павловскія казармы!»

Мы понеслись во весь духъ; я невольно побаивался за прочность экипажа. Дорогою Демидовъ разспрашивалъ кое-что относительно пожара; онъ все время поминутно крестился и, перекрестясь, каждый разъ хватался за который-нибудь изъ своихъ орденовъ. Мы подкатились къ главнымъ воротамъ казармъ; Демидовъ выскочилъ, швырнувъ шинель и фуражку лакею и песя въ рукахъ свою шляпу, которую надѣлъ уже подъ воротами.

Первый казарменный дворъ, ярко озаренный огнемъ, бѣгавшимъ волнами по обшивкѣ башни, былъ наполненъ пожарными и работающими солдатами, изъ среды которыхъ раздавался громкій и внятный голосъ государя императора, приказывавшаго что-то оберъ-полицеймейстеру. Демидовъ, немного скрючась, побѣжалъ на этотъ всемогущій голосъ, который отозвался тутъ-же словами:

— «Николай Ивановичъ, не бѣгай!»

Войдя на освѣщенный дворъ, я увидѣлъ, что крыша надъ верхнею галлерейкою, соединявшею казарменный чердакъ съ чердакомъ башни, была совершенно разобрана; отъ нея остались только продольныя балки, да отверстіе на казарменной крышѣ; въ этомъ-то отверстіи, на одной изъ балокъ, утвердился полковникъ Мандерштернъ, въ крайне головоломномъ положеніи; онъ былъ безъ куртки, въ рукахъ держалъ мѣдный наконечникъ отъ рукава какой-то пожарной трубы, и дѣйствовалъ имъ такъ отчаянно, что языки огня, лизавшіе оконечности балокъ изъ-подъ башенной кровли, видимо укорачивались и вскорѣ совсѣмъ перестали высываться. Я схватилъ у стоявшаго на дворѣ полковничьяго-же кучера его кушакъ и побѣжалъ на верхъ, думая подхватить имъ полковника подъ мышки и поручить солдатамъ держать концы кушака, чтобы не допустить полковника до паденія, если-бы онъ пошатнулся и потерялъ равновѣсіе, но уже не засталъ его на опасномъ посту. Мандерштернъ имѣлъ личный интересъ такъ самоотверженно усердствовать: противъ загорѣвшейся башни, на казарменномъ чердакѣ, хранилось нѣсколько десятковъ тысячъ солдатскихъ патроновъ, и если-бы огонь какъ-нибудь пробрался на чердакъ, то храбрый полковникъ, уцѣлѣвшій отъ паденія внизъ, могъ очень легко полетѣть вверхъ, хотя онъ и не былъ ни душой, ни тѣломъ виноватъ въ несвоемѣстномъ храненіи патроновъ,—это все накуралесилъ Василій Никитичъ; за то онъ, признавъ себя грѣшнымъ и недостойнымъ даже взглянуть на пожаръ, забился въ самый отдаленный уголъ своей квартиры, гдѣ стоялъ на колѣняхъ передъ образомъ и усердно колотился лбомъ о полъ, моля Бога, чтобы пороховая буря не разразилась надъ его грѣховною головою.

Между тѣмъ, на казарменный дворъ въ ворота нахлынули бочки съ водою и начали окачивать виновницъ тревоги такими жирными душами, что наружный огонь мигомъ погасъ, а изнутри башни закричали рабочіе, что пожаръ можно считать прекращеннымъ, но они еще оставались тамъ для наблюденія по разнымъ целямъ.

Вскорѣ все разошлось и успокоилось. Я отправился въ канцелярію заготовить свѣдѣнія въ разныя начальственныя мѣста, отдалъ ихъ переписывать и, приказавъ принести для подписи къ себѣ на квартиру, пошелъ домой; на дворѣ встрѣтился мнѣ какой-то кучеренокъ, съ моею верховою лошадыю; замѣтя на галлерей своего старика, поджидавшаго моего возвращенія, я поручилъ ему отвести лошадь на конюшню къ ея обычному кормильцу и поильцу, а самъ зашелъ спровѣдать Мандерштерна.

«Что, еще не легли?» спросилъ я у чистившаго сапоги лакея.

— «Нѣтъ, еще не легли!» закричалъ изъ другой комнаты самъ

полковникъ, и отворилъ мнѣ дверь; онъ, въ одномъ бѣльѣ и въ гарусныхъ туфляхъ на босу ногу, шагаль по комнатѣ.

— «Вы сегодня, Августъ Егоровичъ, очень усердно и не безъ риска отправляли должность смѣльчака пожарной команды», сказалъ я.

Онъ остановился передо мною, совершилъ обычное вылупление глазъ и произнесъ крайне драматически:

— А знаешь-ли ты, неопытный птенецъ, что такое было на казарменномъ чердакѣ противъ проклятой башни?

— Знаю, отвѣтилъ я.

— Ну, такъ и знай, да помалчивай.

Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку; это было первое задушевное «ты», сказанное мнѣ сердитымъ начальникомъ. Я заявилъ, что не лягу спать, пока не разошлю всѣхъ нужныхъ свѣдѣній.

— Пожалуйста, не присылай только ничего подписывать ко мнѣ, я положительно одурѣлъ и ничего не пойму.

Я ушелъ.

Во время службы моей въ 3-мъ баталіонѣ, я однажды имѣлъ счастье быть смѣненнымъ на служебномъ посту лично августѣйшимъ шефомъ нашего полка цесаревичемъ, въ послѣдствіи императоромъ Александромъ Николаевичемъ; этотъ, вѣроятно, единственный случай совершился слѣдующимъ образомъ: въ 1829 году, въ праздникъ Богоявленія Господня, послѣ водосвятія на Невѣ, я относилъ знамя въ Зимній дворецъ; въ нынѣшнемъ Петровскомъ залѣ встрѣтился мнѣ государь Николай Павловичъ, шедшій изъ Гербоваго зала вмѣстѣ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ. Поздоровавшись со знаменщикомъ, государь сказалъ:

— «Подпоручикъ Романовъ, примите знамя и отнесите на мѣсто».

Я остановился и отступилъ въ сторону; его высочество изволилъ надѣтъ каску, взялъ подъ козырекъ и, ставъ на мое мѣсто, понесъ знамя черезъ Гербовый залъ въ портретную галерею; государь въ это время сорвалъ съ головы небольшую накладку и швырнулъ ее въ тулюю своей шляпы. Комендантъ Башуцкій, вошедшій въ другія двери и видя распоряженіе государя съ своею накладкою, счелъ весьма замысловатою любезностью снять, при встрѣчѣ съ государемъ, свой хохлатый парикъ, причемъ не преминулъ распространить лицо свое въ самую широчайшую улыбку. Государь милостиво кивнулъ ему и направился къ малому аванъ-залу.

Я прошелъ въ Георгіевскій залъ, чтобы наблюсти, исправно-ли подастъ знаменщикъ темлякъ его высочеству для перевязки знаменнаго полотна; все было исполнено съ точностью, и 10-лѣтній августѣйшій шефъ нашъ, въ подпоручичьемъ мундирѣ л.-гв. Павловскаго

полка, изволилъ поспѣшить по слѣдамъ державнаго своего родителя къ впутрненнымъ покоемъ.

Тутъ, считая свои служебныя обязанности оконченными, я деликатно освѣдомился у камеръ-лакея: гдѣ находится то вождеденное вмѣстилище, въ которомъ сервированъ завтракъ для адъютантовъ, бывшихъ на Невѣ со знаменами? Мнѣ указали; я вошелъ, и какъ понятно всякому, не остался празднымъ тамъ, гдѣ все такъ пріятно льстило обоуду—вкусу и обонянію.

IV.

Наконецъ, воротился изъ похода и полкъ, ознаменовавъ свое прибытіе крайнимъ стѣсненіемъ офицерскихъ квартиръ. Мои товарищи по выпуску принесли въ память о турецкой войнѣ по серебряной медали на груди и по желѣзной обуви разныхъ долговыхъ счетовъ на шеѣ. Съ прибытіемъ полка, главное полковое созвѣздіе тотчасъ-же вступило, по прежнему, въ свои права и обычаи, и все пошло заведеннымъ порядкомъ, по указанной и однообразной дорогѣ военно-мирной жизни.

Весною 1830 года я заболѣлъ очень серьезно перемежающеюся лихорадкою; Я. И. Ростовцовъ выпросилъ у ген. Арбузова увольненіе меня отъ лагеря, чтобы взять къ себѣ на дачу для леченія. Я передалъ свою верховую лошадь назначенному исправлять мою должность барону Дельвигу и просилъ Мандерштерна, чтобы меня не отчисляли изъ баталіонныхъ адъютантовъ во время моей болѣзни; но когда полковникъ доложилъ объ этомъ генералу, то маленькій Аракчеевъ замѣтилъ, что офицеръ, въ чинѣ прапорщика, не долженъ и смѣть заболѣвать во время лагеря; полковому командиру, вѣроятно, показался очень логичнымъ такой выводъ его сподручника,—и я тутъ-же былъ отчисленъ.

1830 годъ тянулся крайне безцвѣтно до конца ноября мѣсяца, какъ вдругъ, и не въ табельный день, 19 числа, приказано было собраться къ разводу офицерамъ всей гвардіи; въ разводъ былъ выведенъ одинъ изъ баталіоновъ л.-гв. Московскаго полка. Никто не зналъ причины офицерскаго сбора и все, казалось, шло обыкновеннымъ порядкомъ.

По окончаніи развода, государь, Николай Павловичъ, выѣхавъ нѣсколько впередъ, сказалъ: «Господа офицеры, пожалуйста ко мнѣ!» Офицеры приложили руки къ шляпамъ, но съ перваго раза не поняли приказанія. «Окружите меня!» прибавилъ государь. Офицеры довольно

робко приблизились со всѣхъ сторонъ. Государь объявилъ о возмущеніи въ Варшавѣ, объ опасности, которой подвергался великій князь Константинъ Павловичъ, объ убійствѣ лицъ близкихъ и преданныхъ его высочеству. «Я уже сдѣлалъ распоряженіе, чтобы указанная мною войска двинулись къ Варшавѣ, а если будетъ нужно, то пойдете и вы!» При этомъ словѣ петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ крикнулъ: «Ура!». Офицеры какимъ-то неистовымъ воплемъ подхватили этотъ крикъ и нахлынули на государя уже безъ малѣйшаго стѣсненія; въ этотъ моментъ лошадь подъ государемъ, почему-то, вдругъ опустилась на переднія ноги, а потомъ и на заднія, такъ что государь, продолжая сидѣть верхомъ, касался шпорами земли.

Услыша офицерскій крикъ, московскій баталіонъ, стоявшій послѣ развода, какъ и всегда, въ углу экзерциргауза и не знавшій положительно, чтò передъ нимъ происходитъ, тоже рывкнулъ «ура!» Крикъ этотъ фактически оправдалъ характеристику русскаго строя, въ которомъ офицеры даютъ камеръ-тонъ всей массѣ: если офицеръ закричитъ ура—и солдатъ не побережетъ горла; если офицеръ, очертя голову, кинется на батарею—и солдатъ не пожалѣетъ лба; а спросите у него—по какому побужденію онъ дѣйствуетъ такимъ образомъ? «Офицерству такъ угодно!» отвѣтитъ онъ, безъ всякихъ умствованій.

А между тѣмъ, офицеры продолжали толпиться вокругъ государя; цѣловали его со всѣхъ сторонъ, цѣловали колѣни, ловили руки и стиснули до того, что верхняя фалдочка у самой талии государева мундира оказалась оторванною вершка на полтора. «Ну, полноте, полноте, господа! Довольно!» сказалъ государь мягко, но повелительно. Офицеры нѣсколько отступили. Его величество поднялъ на ноги лошадь и поѣхалъ шагомъ къ воротамъ, прикладывая поминутно къ глазамъ носовой платокъ.

Тутъ вся масса офицеровъ накинулась на великаго князя Михаила Павловича. Его высочество растерялся: шляпа его свалилась назадъ и повисла на шеѣ, на ремешкѣ; султанъ вылетѣлъ подъ ноги офицеровъ, тѣснившихъ его со всѣхъ сторонъ. Его высочество хотѣлъ казаться недовольнымъ: насупился, покраснѣлъ и кричалъ: «Что это съ вами, господа! Что вы дѣлаете? Перестаньте!» А между тѣмъ, самъ цѣловалъ каждого, кто приближался къ его сердитымъ бровямъ. Толпа офицеровъ, стиснувъ между собой великаго князя, придвинула его высочество къ самому государю, освободила его отъ шляпнаго ремешка, вложила на мѣсто полурастрепанный черный султанчикъ, разступилась на обѣ стороны, приложивъ руки къ шляпамъ, и открыла широкій проходъ къ государю. Его величество, надѣвая шинель, еще разъ милостиво кивнулъ всѣмъ намъ и протянулъ руку

къ брату. О, какъ знаменательно посмотрѣли августѣйшіе братья другъ другу въ глаза!—и отбыли вмѣстѣ.

Уже караулы московскаго баталіона давно расползлись по городу, а гвардейскіе офицеры все еще оставались въ экзерциргаузѣ, громко толкуя въ разныхъ кучкахъ о происшедшемъ передъ ихъ глазами; всѣмъ хотѣлось идти въ походъ и всѣ держались того мнѣнія, что гвардія пойдетъ непременно. Пророчество ихъ оправдалось: вскорѣ приказано было готовиться къ выступленію.

Обрадованный предстоявшимъ походомъ, я, однако-жъ, сильно сконфузился, ошупавъ съ точностью свой карманъ; надобно было сочинить благополучный исходъ изъ денежнаго затрудненія. Я обратился къ своей задушевной любвицѣ—литературѣ; но до 1834 года ни одна редакція не платила денегъ за статьи, печатаемыя въ періодическихъ изданіяхъ. Оставалось одно: составить и издать книгу въ двухъ-мѣсячный срокъ. Легко сказать! А пойдетъ-ли еще она? Но смѣлымъ Богъ владѣетъ! Я толкнулся къ нѣкоторымъ литературнымъ пріятелямъ за статьями, принялся усердно работать самъ,—и къ половинѣ декабря (1830 г.) напечаталъ дѣтскій альманахъ, подъ названіемъ «Утренняя заря».

Тогдашніе добродушные книгопродавцы: Сленинъ, Смирдинъ, Глазуновъ и Заикинъ купили разомъ все изданіе, 1,200 экземпляровъ, съ уступкою трети объявленной цѣны, и заплатили тотчасъ-же наличными деньгами.

Я съ удовольствіемъ узналъ послѣ, что къ слѣдующей святой недѣлѣ уже не было ни одного экземпляра моего альманаха въ продажѣ; слѣдовательно, книгопродавцы не потеряли своего; а я, между тѣмъ, купилъ двухъ лошадей—верховую и вьючную, обзавелся необходимыми вещами для зимняго похода и, сверхъ того, привѣсилъ себѣ на шею не совсѣмъ жиденькій мѣшочекъ съ новенькими червонцами.

V.

1-й и 3-й баталіоны выступили въ польскій походъ въ самомъ концѣ декабря и встрѣтили новыи 1831 годъ въ Кипени.

Полкъ направился по шоссе на Ригу и Ковно и шелъ по-ротно. Ген. Арбузовъ каждый день обгонялъ всѣ роты на походѣ, прилежно всматриваясь: не терпѣлъ-ли кто-нибудь изъ солдатъ отъ зимняго похода; приказывалъ отправлять слабыхъ немедленно въ полковой штабъ, гдѣ лично распоряжался удобствами для помѣщенія больныхъ и слабыхъ и гдѣ никогда не было недостатка въ подводахъ для перевозки ихъ, пока поправятся.

Роты имѣли ночлеги по деревнямъ вблизи главнаго пути, на который и выходили съ разсвѣтомъ для слѣдующаго перехода.

Я, назначенный исправлять временно должность адъютанта въ 1-мъ баталіонѣ, шелъ до Риги съ ротою его высочества, а отъ Риги до Ковны былъ полковымъ квартиргеромъ. Вотъ тутъ-то натерпѣлся я отъ заботливаго полковаго командира мѣки, что называется, по самое горло! Онъ, обыкновенно, обогнавъ роты, пріѣзжалъ въ полковой штабъ не къ себѣ на квартиру, а въ полковой лазаретъ, гдѣ находилъ все не довольно исправнымъ: то нехорошъ воздухъ, то мало соломы, то недостаточно тепло; я однажды получилъ распекацію за то, что на занятой штабомъ мызѣ была нехороша вода, какъ будто я въ состояніи былъ перемѣнить мызу или улучшить воду; словомъ—онъ поѣдомъ ѣлъ меня; но за то, надо сказать правду, и кормилъ па отваль, хотя не изысканными блюдами; я-же, съ своей стороны, не смѣя выказаться генералу существомъ зубастымъ, притуплялъ изопренные зубы па его съѣдобныхъ припасахъ и уничтожалъ ихъ со всею алчностью прапорщичьяго желудка на походѣ; а какъ желудокъ есть резервуаръ всей человѣческой организаціи, то успокоенный резервуаръ сообщалъ нѣкоторое спокойствіе и нервамъ, по крайней мѣрѣ на остатокъ дня.

Время двигалось, какъ двигался и полкъ, совершая въ урочные часы свои дневные обиходы. Около генерала появился новыи офицеръ-агентикъ, собственно по мясной части: гдѣ, какимъ способомъ, по какой цѣнѣ онъ добывалъ телятъ, барановъ, свиней и разное другое мясо?—это знали только онъ, да генералъ, который очень благоволилъ къ мясному агенту, и за его телячье усердіе чуть было не украсилъ его анненскою шпагою съ надписью «за храбрость».

Одинъ случай изъ походной жизни глубоко врѣзался въ мою память. Это было во время дневки на какой-то очень красивой мызѣ.

Подъ конецъ дня, проведеннаго на отдыхѣ, генераль и всѣ штабные пошли осматривать, отъ нечего дѣлать, мызныя строенія и увидѣли превосходную русскую баню, облицованную внутри липовыми досками.

«Вотъ-бы гдѣ попариться-то!» вскричалъ генераль.

— «Я было и думалъ вчера, отвѣтилъ мясной агентикъ,—да тутъ остались только ванны да котлы, а чаны и бочки владѣлецъ перевезъ въ другую усадьбу; положительно не въ чемъ было навозить воды, а вода съ полверсты отсюда».

— «Жаль, жаль, жаль!» воскликнули всѣ по очереди, и пошли далѣе.

Когда-же генераль отошелъ отъ бани, то одинъ старикъ-гренадеръ, изъ роты его высочества, сказалъ:

«Эхъ! не грѣшно-ли его превосходительству не объявить было объ этомъ вчера съ прихода: наша рота манерками могла-бы наносить столько воды, что ее хватило-бы па вымывку не только самому генералу, но и всему офицерству. Грѣшно, право! Неужели у начальства пропала и вѣра въ наше усердіе къ нему?».

Этотъ задушевный возгласъ добряка-гренадера былъ произнесенъ такъ, что, очевидно, составлялъ не единичный его вызовъ по мнѣніе цѣлой массы; въ этомъ добродушномъ вызовѣ ясно сказались и признанность къ полковому командиру, и уваженіе къ значенію офицерства. Такъ дѣйствительно и было въ полку. Не случилось мнѣ подмѣтить ни разу за павловскимъ солдатомъ, чтобы онъ какимъ-нибудь движеніемъ или даже взглядомъ выразилъ что-нибудь похожее на ослушаніе противъ старшаго; а что всего важнѣе, такъ это именно то, что подобное достоинство онъ сохранялъ за собою одинаково и въ казармахъ, и въ мирномъ лагерѣ, и въ походѣ, и на боевомъ bivouакѣ, и подъ самыми ядрами. Эта невозмутимая ни чѣмъ ровность дисциплинарныхъ отношеній солдата къ офицеру и составляетъ завидную характеристику или, вѣрнѣе, духъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, и это не какое-нибудь переходное явленіе, навѣянное временно благопріятными обстоятельствами,—это коренная закваска полка, наслѣдственный его фундаментъ, къ которому онъ приросъ. Лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ не умѣетъ ни понимать, ни слушать никакихъ злоредныхъ внушеній; все не освященное законностью отскакиваетъ отъ него безслѣдно, какъ отъ стѣны горохъ. Остроконечныя шапки способны окружить своимъ песокрушимымъ палисадомъ только то, что укажетъ имъ одна законная власть. И тогда уже эти продыравленные пулями шапки не уронятъ ни своей боевой славы, ни

своего наслѣдственнаго сокровища—разумной дисциплины, вошедшей въ кровь и мозги цѣлаго полка.

Но далѣе. Приблизясь къ Ковнѣ, полкъ расположился на тѣсныхъ квартирахъ; вѣдно было выставить пикеты. Не такой былъ полковой командиръ ген. Арбузовъ, чтобы не удостовѣриться лично въ исправности этихъ пикетовъ; вотъ онъ и отправился однажды осматривать ихъ верхомъ, такъ какъ начавшаяся распутица не позволяла употребленія экипажей; съ нимъ отправились оба командира баталіоновъ, Стахіевъ и я; за нами плелся долговязый полу-старикъ въ деньщицкой формѣ, по имени Ивапъ Алексѣевъ, неизмѣнный спутникъ генерала въ походахъ и маневрахъ, когда тотъ являлся верхомъ. Иванъ Алексѣевъ былъ нѣчто въ родѣ генеральскаго коннаго маркитанта; онъ ѣздилъ всегда на рыжемъ конѣ почтеннаго возраста, который самъ видѣлъ много такого, что маленькій Аракчеевъ зналъ по преданію. Въ огромныхъ кобурахъ при сѣдлѣ Ивана Алексѣева помѣщалось отнюдь не убійственное огнестрѣльное оружіе, но предметы болѣе полезныя для человѣчества, какъ-то: разнаго рода испивомое и съѣдобное, весьма достаточное для заморенія червяка на перепутьи, а также и принадлежности для курева.

Проѣзжая по грязной дорогѣ, окаймленной лѣсочкомъ, ген. Арбузовъ, ѣхавшій впереди, вдругъ остановилъ своего Буцефала: онъ увидѣлъ на пути трехъ всадниковъ.

— Александръ Александрычъ, кракусы! возопилъ онъ.

— Какіе кракусы! Это прусскій офицеръ съ двумя провожатыми, замѣтилъ Стахіевъ, приближаясь къ генералу.

— Видно, во снѣ вамъ пригрезился прусскій офицеръ! Откуда ему взяться и для чего онъ тутъ будетъ! завопилъ генералъ на Стахіева.

— Пруссія не за горами. Возвращается откуда-нибудь верхомъ по распутицѣ—вотъ и все. Я очень ясно вижу, что у провожатыхъ привязаны по бокамъ чемоданы, а на немъ киверъ прусской формы.

— А киверъ-то ему тутъ на коего чорта?

— Да потому, быть можетъ, что его гораздо удобнѣе везти на головѣ, чѣмъ въ чемоданѣ.

— Ну, васъ, прости Господи, и съ чемоданами-то! занылъ генералъ.

— Да взгляните хорошенько, ваше пр—во, какіе-же это кракусы! закричалъ Стахіевъ, прищетинясь, и отъѣхалъ въ сторону.

Тутъ генералъ, пристально воззрившись, направился шагомъ на встрѣчу офицеру; онъ снялъ свою клеенчатую треуголку, перекрестился, опять надѣлъ ее и, протянувъ руку офицеру, громко закричалъ:

«Руссишенъ и пруссишенъ брудеры!» Тотъ учтиво поклонился, почтительно отвѣтилъ на пожатіе руки, вновь поклонился и, взявъ подъ козырекъ, отправился далѣе; сопровождавшіе его вѣжливо приподняли фуражки.

Ген. Арбузовъ простоялъ съ минуту неподвижно, глядя вслѣдъ уѣзжавшимъ и потомъ запѣлъ:

«Иванъ Алексѣевъ!»

Онъ обыкновенно выпѣвалъ это имя не хуже деревенскаго дьячка.

Рыжій конь съ Иваномъ Алексѣевичемъ очутился возлѣ генерала. «Сигару!» скомандовалъ его пр—во. Конный маркитантъ, съ привычною ловкостью досталъ и обезглавилъ толстую сигару, досталъ огниво и кремепъ, оторвалъ кусокъ трута и, зажегши его по второму удару, подставилъ къ генеральскому носу на кремешкѣ, вмѣсто блюдечка. Раскуривъ сигару, генералъ направился къ своей квартирѣ; онъ ѣхалъ впереди, одинъ, вѣроятно, разсуждая, какъ легко для умнаго человѣка справиться съ нѣмецкимъ языкомъ. Онъ, казалось, остался очень доволенъ своимъ объясненіемъ съ нѣмцемъ и былъ особенно въ духѣ, а это легко было понять изъ того, что онъ курныкалъ себѣ подъ носъ любимую пѣсню, въ которой говорилось что-то объ «улицѣ Фурштатской». Эту пѣсню онъ усвоилъ еще въ омутѣ Дворянскаго воспитанія; ее дворяне очень любили пѣть хоромъ, возвращаясь изъ лагеря.

Въ полковомъ штабѣ мы узнали, что въ Ковну прибылъ великій князь Михаилъ Павловичъ, а дня черезъ три полкъ нашъ двинулся черезъ Ковну, по направленію къ Ломжѣ и Остроленкѣ.

Между Ломжею и Остроленкою, я, какъ исправлявшій должность адъютанта въ 1-мъ баталіонѣ, т. е. офицеръ, имѣвшій верховую лошадь, былъ назначенъ, по очереди, въ ординарцы къ начальнику 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи генералу Ушакову; я прибылъ и явился въ дивизионный штабъ въ 10 часовъ утра, не припомню, въ какое именно мѣсто, знаю только, что мнѣ приказано было помѣститься гдѣ-нибудь и быть на готовѣ; однако-жъ, приличнаго для помѣщенія мѣста, подъ названіемъ «гдѣ-нибудь», въ дивизионной квартирѣ не оказалось, и я пріютился на полуразрушенномъ крылечкѣ стараго амбара, будучи доволенъ и тѣмъ, что оно согрѣвалось солнцемъ. Часовъ около трехъ пополудни, въ генеральскую квартиру пронесли большую кастрюлю и нѣсколько блюдъ, а за ними пошли туда-же и штабные чины. Я ждалъ, что меня, но крайней мѣрѣ, накормятъ, но весьма ошибся: этой чести для ординарцевъ у генерала Ушакова не полагалось. Меня не пригласили, и я, получившій формальное приказаніе помѣститься гдѣ-нибудь, долженъ былъ уже безъ всякаго приказанія питаться чѣмъ-нибудь.

Лошадь моя была счастливѣе меня: на дворѣ появился какой-то казакъ, притащившій своему коню охабку сѣна; я далъ ему злотъ и онъ охотно допустилъ мою лошадь къ участию въ сѣнѣ и даже не полѣнился напоить ее, а попавшійся мнѣ случайно корпусный товарищъ, артиллерійскій офицеръ, прислалъ ей въ подарокъ полъ-торбы ячменя, который она и скушала съ подобающимъ аппетитомъ, во славу корпуснаго товарищества. Жаль только, что мой товарищъ не догадался прислать мнѣ самому ломоть хлѣба или хоть сухарь; это было-бы очень кстати, потому что просить сухарей у казака не поворачивался языкъ, а если-бы алчущее горло не выдержало и попросило на генеральской кухнѣ, то я перетянулъ-бы его нагаечнымъ ремнемъ прежде, чѣмъ далъ проглотить хоть одну крошку отъ позорнаго куска. Скверная вещь голодать вообще; но голодать, слушая стукъ тарелокъ въ сосѣднемъ домѣ за генеральскою трапезою — это уже просто звѣрское нахальство... судьбы, вѣроятно, потому что на нее одну сваливаютъ всѣ человѣческія мерзости.

Уже передъ вечеромъ вынесли мнѣ пакетъ на имя генераль-адъютанта Бистрома, съ приказаніемъ отвезти въ авангардный штабъ. Провожатымъ у меня очутился уже знакомый мнѣ казакъ; онъ былъ присланъ зачѣмъ-то изъ авангарда и, отдохнувши, поѣхалъ со мною назадъ. Этимъ и оканчивалось мое ординарчество въ дивизионномъ штабѣ, которое показалось мнѣ тяжелѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь. Я и теперь еще, уже почти 70-ти-лѣтшій старикъ, часто вспоминаю о немъ, особенно, когда захочется возбудить аппетитъ.

Мы съ казакомъ отправились въ Остроленку, гдѣ находился штабъ авангарда гвардейскаго корпуса, которымъ командовалъ начальникъ гвардейской пѣхоты ген.-адъют. Карлъ Ивановичъ Бистромъ. Въ Остроленку прибылъ я, когда генераль Бистромъ садился за ужинъ. Меня тотчасъ-же позвали къ нему. На концѣ длиннаго, уставленнаго приборами, стола сидѣлъ самъ Карлъ Ивановичъ, въ бѣломъ канифасномъ халатѣ; по сторонамъ его помѣщались: адъютантъ Крутовъ, старшій адъютантъ дежурства пѣхоты Степановъ, поручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба Герасимовъ и два безсмѣнныхъ ординарца, оба подпоручики л.-гв. Егерскаго полка; на другомъ концѣ стола, противъ генерала, виднѣлась какая-то узколобая, слезоточивая фізіономія, припавшая къ столу и смотрѣвшая на всѣхъ исподлобья; это былъ не кто иной, какъ полковой докторъ лейб-гвардіи Павловскаго полка Слонецкій-Михайловскій, прикомандированный къ авангардному штабу; вылечилъ-ли онъ тамъ кого-нибудь—слуховъ объ этомъ не состоялось, но что онъ тамъ всѣхъ перессорилъ—объ этомъ зналъ весь авангардъ.

Войдя въ столовую, я низко поклонился и, протянувъ руку съ пакетомъ, сказалъ: «Изъ 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи».

Адъютантъ Степановъ принялъ пакетъ, распечаталъ его, перелистовалъ, стоя, бумаги и, на вопросительный взглядъ генерала, отвѣтилъ: «Ничего особеннаго, одни дневныя свѣдѣнія».

Я опять поклонился и хотѣлъ выйти, но генераль остановилъ меня словами:

— «Куда это? Ухъ какой прыткой! Я надѣюсь, что господинъ молодой прапорщикъ не уронить себя, если выпьетъ стаканъ вина у боеваго товарища».

Я вытаращилъ глаза отъ изумленія, насилу смогъ поклониться и то самымъ неуклюжимъ образомъ.

Карлъ Ивановичъ, очевидно, забавлялся моимъ смущеніемъ. «Подвиньтесь немного, господа!» сказалъ онъ сидѣвшимъ у него съ лѣвой стороны и указалъ рукою мѣсто возлѣ себя; слуга тотчасъ-же поставилъ тутъ приборъ и подаль мнѣ стулъ.

— «Вотъ и мѣсто молодому гостю, какъ разъ возлѣ ветерана-хозяина», сказалъ генераль, приглашая меня рукою сѣсть.

Я сѣлъ и съ восторгомъ увидѣлъ, что начинаютъ ужинъ горячимъ супомъ; это былъ истинный сюрпризъ моему необѣдавшему желудку. Во время стола, Карлъ Ивановичъ очень много разговаривалъ со мною, преимущественно въ шуточномъ тонѣ: спрашивалъ, не съ музыкою-ли у меня эпoletы? и т. п.

Послѣ усердной работы ножами и вилками, долго не прерывавшейся ни однимъ словомъ, Карлъ Ивановичъ вдругъ спросилъ меня:

«Ты умѣешь дѣлать практическія съемки и чертить ситуационныя планы?»

— «Учился въ корпусѣ», отвѣтилъ я.

«Учился... протянулъ генераль, — это хорошій отвѣтъ; всегда отвѣчай такъ—учился! А научился-ли, это увидать начальники. Михайло Васильичъ, приказалъ онъ, обращаясь къ Степанову, —напиши въ Павловскій полкъ, что я оставляю его прикомандированнымъ къ авангардному штабу, для исправленія должности офицера генеральнаго штаба».

Я привсталъ, чтобы благодарить, но онъ посадилъ меня за руку, сказавъ:

— «Словесныхъ благодарностей не нужно; служи безъ всякихъ хитростей, да не бойся пули — и мы навѣрно, останемся пріятелями. Вотъ тебѣ и ученикъ, прибавилъ онъ, обратясь къ Герасимову, —сдѣлай изъ него хорошаго себѣ помощника».

Тутъ онъ приподнялся со стула и всѣ встали.

— «Распорядись, Михайло Ивановичъ, сказалъ генераль Крутову, — чтобы новобранцу указали порядочный ночлегъ, а завтра назначили квартиру, и потомъ, обратясь ко мнѣ, прибавилъ: — а все твоё столовое продовольствіе будетъ у меня, въ моей боевой семьѣ; мнѣ много хорошаго говорилъ о тебѣ заика, а я ему вѣрю».

Заикой называлъ онъ Я. И. Ростовцова, который прежде былъ у него старшимъ адъютантомъ, а тогда состоялъ адъютантомъ великаго князя Михаила Павловича, въ штабс-капитанскомъ чинѣ.

Карлъ Ивановичъ ушелъ въ свою комнату; вся компанія, за исключеніемъ доктора, пожала мнѣ привѣтливо руку, поздравляя со вступленіемъ въ ея кругъ. Призванный Крутовымъ остроленскій квартирный староста помѣстилъ меня до утра въ своемъ домѣ и очень удобно; у него даже нашелся кормъ для моей лошади.

Мнѣ дали въ распоряженіе того-же знакомаго мнѣ казака, чтобы послать его утромъ въ Павловскій полкъ за моимъ деньщикомъ и вещами.

Утромъ отвели мнѣ чистенькую квартиру съ пріятнымъ сосѣдствомъ, и назначили меня завѣдующимъ авангардною канцеляріею, гдѣ я былъ незамѣтенъ днемъ, но за то единолично дѣйствовалъ ночью, и не смыкалъ глазъ, когда всѣ другіе спали. Это было необходимо, потому что очень часто стали присылать по ночамъ донесенія, требовавшія немедленныхъ распоряженій; при этомъ надобно было кого-нибудь будить изъ старшихъ для совѣта, а иногда и самого Карла Ивановича.

Вскорѣ началось тягостное броженіе авангарда взадъ и впередъ около Остроленки; потомъ наступила ежедневная жизнь въ боевомъ огнѣ, при отступленіи гвардейскаго корпуса отъ Старо-Якаця къ Тыкочину; потомъ опять движеніе впередъ, завершенное остроленскимъ побойщемъ 14 мая 1831 г.

Послѣ остроленскаго дѣла гвардейскую пѣхоту поставили бивуакомъ на берегу Нарева, вблизи Остроленки; луговая мѣстность вдоль Нарева, усыпанная разною кудрявою растительностью, была очень красива днемъ, но оказалась убійственною ночью; она послѣ полуночи такъ отсырѣла, что холера не преминула къ утру-же насѣсть на войска съ особенною жестокостью. Продрогшіе до костей офицеры очень рано утромъ принялись кипятить свои походные чайники и самоварчики, чтобы какъ-нибудь согрѣться. Пріѣхавъ навѣстить полковыхъ товарищей, я засталъ ихъ за всеобщимъ чаепитіемъ. Въ это время прошелъ слухъ, что ночью умеръ отъ холеры прапорщикъ Преображенскаго полка князь Порюксъ Визапурскій; офицеры, соединясь въ порядочную толпу, пошли узнать на мѣстѣ, чтó и какъ

случилось? Дорогою насъ извѣстили, что умеръ и другой братъ Визапурскій, тоже преображенскій прапорщикъ. Мы прибавили шагу, но, приблизясь къ мѣсту происшествія, гдѣ стояла собственная небольшая палатка Визапурскихъ, узнали, что сейчасъ умеръ и денщикъ ихъ. При этомъ извѣстїи обуяла всѣхъ поголовная паника; посоловѣли даже фizioномiи и у случившихся тутъ личностей, смѣло перешедшихъ, въ остроленкскомъ аду, губительный мостъ черезъ этотъ самый Наревъ, который катился передъ нашими глазами и по которому еще обильно плыли тѣла храбрецовъ, положившихъ животъ за честь роднаго знамени.

Въ моментъ всеобщаго ошеломленія, въ толпу офицеровъ ворвался исправлявшій должность полковаго врача лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, Ѳеодоръ Семеновичъ Похвалинскій; онъ принялся горячо доказывать, что холера прилипчива условно и что въ комъ нѣтъ предрасположенія къ ея прїнятію, того она не тронетъ ни во вѣки вѣковъ. Всѣ какъ-то очень холодно отнеслись къ врачу-оратору и никто не удостоилъ его сколько-нибудь осмысленнымъ вниманіемъ.

— «Что-жъ вамъ, господа, нужно доказательствъ что-ли? Извольте!» вскричалъ Похвалинскій.

Сбросивъ съ себя сюртукъ, жплетку, галстухъ и подтяжки и разстегнувъ воротъ, онъ вошелъ въ палатку Визапурскихъ, снялъ съ одного изъ умершихъ рубашку и, напяливъ ее на себя, предсталъ передъ офицерами:

— «Я не сумасшедшій, господа! сказалъ онъ,—не сталь-бы рисковать жизнью для того, чтобы порисоваться передъ вами! Завѣряю васъ всѣми святыми, что холера прилипчива только условно, что бояться ея слѣдуетъ не болѣе, какъ и всякой другой болѣзни; но что именно упадокъ духа всего болѣе содѣйствуетъ ея свирѣпости».

Тутъ Похвалинскій высвободилъ правую руку изъ своей рубашки и, всунувъ ее, голую, въ рукавъ рубахи съ мертвеца, вскричалъ:

«Довольны-ли вы, господа? Послѣ этого можете не вѣрить мнѣ!».

Есть-же между людьми благодатныя личности, которыя исполненіе своего долга способны довести до размѣровъ героическаго подвига; таковъ и былъ Ѳ. С. Похвалинскій. Да будетъ благословенна память его!

Послѣ смѣлаго поступка энергичнаго доктора, всѣ лица видимо просвѣтлѣли; паника разомъ упала до точки замерзанія; только самые мнительные, возвращаясь въ полки, боязливо оглядывались на зловѣщую палатку несчастныхъ князей Визапурскихъ.

Гвардейскую пѣхоту въ тотъ-же день сняли съ позиціи и направили на Маковъ, гдѣ она простояла довольно долго. Тамъ скончался

бывшій главнокомандующій графъ Дибичъ и пріѣхалъ графъ Паскевичъ.

Изъ-подъ Макова, какъ извѣстно, пошли къ Вислѣ, перешли ее безъ выстрѣла, и потомъ очутились въ Надаржинѣ, въ 20-ти верстахъ передъ Варшавою, гдѣ и сдѣланы были всѣ приготовленія къ штурму.

На второй день варшавскаго штурма, 26-го августа 1831 г., начавшагося ровно въ два часа пополудни, гвардейская пѣхота, за исключеніемъ Егерскаго и Финляндскаго полковъ, которымъ предстояло драться у Іерусалимской заставы, стояла въ 3-й боевой линіи, т. е. она занимала ту мучительную позицію, стоя на которой солдатъ ровно ничего не дѣлаетъ, а между тѣмъ въ колоннахъ сноситъ головы ядрами. Тяжелое положеніе стоять, опустья руки, безъ всякаго развлеченія, и думать каждую минуту: а вотъ, можетъ быть, сейчасъ меня хватить!

Передъ началомъ въ этотъ день штурма Карлъ Ивановичъ подѣхалъ со свитою къ лейбъ-гвардіи Павловскому полку и сталъ у него на правомъ флангѣ. «Вотъ скоро и два часа, сказалъ онъ, —какой-то отвѣтъ пришлютъ бунтовщики?». Съ этимъ словомъ бухнулъ съ варшавскихъ укрѣпленій выстрѣлъ, другой, третій, четвертый — снесъ голову правому фланговому солдату передней шеренги 1-го баталіона лейбъ-гвардіи Павловскаго полка; стоявшій возлѣ него на флангѣ офицеръ, помнится, поручикъ Регенкамфъ, покачнулся только тогда, когда на него рухнулъ трупъ убитаго; солдаты-же—ни стоявшій рядомъ съ убитымъ, ни стоявшій сзади его, котораго обрызгало кровавою слякотью,—не шевельнули ни усомъ, ни носомъ.

Я былъ при этомъ случайно, находясь въ свитѣ генерала Бистрома, но все-таки имѣю право съ гордостью сказать, что я былъ подѣ ядрами и со своимъ роднымъ полкомъ.

Въ штурмовыхъ колоннахъ, съ охотниками, были отъ Павловскаго полка: подполковникъ Федяевъ, подпоручикъ Брискорнъ и прапорщики Ельчаниновъ 2-й, баронъ Дельвицъ и Гринъ. У Федяева пробило каску надъ самымъ черепомъ; баронъ Дельвицъ былъ смертельно раненъ и черезъ три дня умеръ; Федяевъ и Брискорнъ получили георгіевскіе кресты, а Ельчаниновъ и Гринъ—анненскіе съ бантомъ.

VI.

Простоявъ довольно времени на бивуакахъ въ Варшавѣ, полкъ нашъ пошелъ прямо на зимнія квартиры, Курляндской губерніи, въ городъ Гольдингенъ. Я сдѣлалъ походъ этотъ съ полкомъ, такъ какъ генераль Бистромъ собирался за границу для леченія и его временный штабъ былъ уже распущенъ. Изъ Гольдингена я уѣхалъ въ отпускъ, въ Петербургъ, гдѣ и дождался возвращенія полка изъ похода.

Петербургская казарменная служба пошла прежнимъ порядкомъ. Я былъ переведенъ во 2-й баталіонъ, къ полковнику Семену Петровичу Степанову, не только фронтовику современнаго закала, но и литературному рецензенту, какъ оказалось впоследствии.

Въ началѣ 1833 года я напечаталъ большую повѣсть въ стихахъ, подъ названіемъ «Мятежники». Почти единственный тогдашній критическій органъ «Сѣверная Пчела» отозвался о моей повѣсти съ большою похвалою, и она пошла удачно, особенно между военными. Я рѣшился молчать о ней и не подносить никому почетныхъ экземпляровъ. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, меня потребовали къ полковнику Степанову; я, разумѣется, явился тотчасъ-же.

«Вы напечатали книгу безъ предварительнаго разсмотрѣнія и одобренія вашего ближайшаго начальства, сказалъ онъ,—а знаете-ли, какую вы нагородили въ ней дичь и про поляковъ, и про русскихъ? Предвидя неминуемую за васъ отвѣтственность, я вынужденнымъ нашелся купить вашу книгу, хотя отъ роду не дѣлалъ подобной глупости. Спасибо еще, что мнѣ во-время сказалъ объ этомъ... онъ указалъ на домашняго агентика. — Извольте идти и не ожидать ничего пріятнаго для себя, господинъ писака».

Получивъ на свое литературное произведеніе такую фронтовую рецензію, я побѣждалъ къ генералу, чтобы разъяснить непонятный для меня выговоръ, сдѣланный мнѣ полковникомъ Степановымъ.

Генераль Арбузовъ, слышавшій отъ Я. И. Ростовцова, что я началъ писать во время войны какую-то повѣсть о польскихъ мятежникахъ и что отрывки изъ этой повѣсти были прочитаны еще въ Маковѣ великому князю и заслужили одобреніе, — отвѣчалъ мнѣ уклончиво:

— «Я, вы знаете, не литераторъ, на мѣдные гроши русской грамотѣ обучился, и не могу быть въ вашемъ дѣлѣ судьей, поѣзжайте къ дивизіонному начальнику, генераль-адъютанту Мартынову, тамъ старшій адъютантъ, князь Шаховской, считается докою по писатель-

ской части: онъ съумѣетъ доложить объ этомъ какъ слѣдуетъ Павлу Петровичу».

Я бросился къ князю Шаховскому; онъ встрѣтилъ меня очень привѣтливо, объявилъ мнѣ, что уже прочиталъ мою повѣсть, которую прислалъ ему М. А. Офросимовъ, и что онъ готовъ стоять за нее. Я привезъ съ собою экземпляръ, переплетенный въ сафьянъ, и просилъ, если возможно, представить его государю императору, чтобы избавиться отъ нелѣпыхъ нареканій, въ родѣ тѣхъ, которыя измышляетъ на меня полковникъ Степановъ. Князь Шаховской общался похлопотать обо всемъ и просилъ не беспокоиться понапрасну, а ожидать спокойно отвѣта, который получу въ свое время.

Каково-же было мое удивленіе, когда, недѣли черезъ двѣ, я получилъ сафьянный футляръ за кабинетскою печатью, при письмѣ отъ князя Шаховскаго, въ которомъ онъ увѣдомлялъ меня, что о всемирнѣйшемъ пожалованіи мнѣ подарка за повѣсть «Мятежники» уже сообщено въ полкъ, а самый подарокъ препровождается прямо ко мнѣ.

Черезъ минуту послѣ полученія подарка, я уже былъ съ нимъ у генерала; онъ долго разсматривалъ перстень, пригласилъ взглянуть и маленькаго Аракчеева, но тотъ съ негодованіемъ прорычалъ только: «Непростительное баловство!». Генераль, возвращая мнѣ перстень, сказалъ:

— «Ну, поздравляю! Вотъ и покажите полковнику Степанову, чтобы успокоить его».

Я, однако-жъ, побоялся идти къ этому суровому рецензенту, чтобы какою-нибудь проницескою улыбкою не раздражить его, и попросилъ показать ему перстень одного изъ капитановъ. Полковникъ, говорили, страшно осерчалъ при этомъ: онъ выругалъ безграмотнымъ дуракомъ агента, но о себѣ умолчалъ. А меня все-таки, по поводу моей повѣсти, перевели въ другой баталіонъ; это уже было вторичнымъ подаркомъ за мое сочиненіе.

Въ слѣдующемъ году, по приглашенію нѣкоторыхъ благоволившихъ ко мнѣ старшихъ лицъ въ гвардіи, я написалъ стихотвореніе на открытіе памятника императору Александру I; стихотвореніе понравилось и ген. Арбузову, когда ему прочиталъ его М. А. Офросимовъ. «Право, хорошо сказано!» отозвался мой начальникъ. Я вновь получилъ всемирнѣйшій подарокъ.

Въ это время я былъ назначенъ бригаднымъ адъютантомъ въ 4-ю гвардейскую пѣхотную бригаду, когда уже Павловскій полкъ былъ въ бригадѣ не съ Измайловскимъ, а съ Финляндскимъ полкомъ. Бригадою командовалъ тотъ-же А. Ѳ. Арбузовъ, продолжая командовать и полкомъ; онъ долго не могъ перестать ухмыляться, подписывая

предписаніе командиру лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. «Какъ это, братецъ, я самъ себя предписываю? говариваль онъ обыкновенно, принимаясь за перо; но, по крайней мѣрѣ, мои бумаги подписываль самъ, тогда какъ на бумагахъ отъ полка, зачастую у него подъ носомъ, Стахіевъ очень искусно выпарапываль: генераль-маіоръ Арбузовъ.

Бригадное адъютантство нѣсколько отдалило меня отъ полковыхъ товарищей; я тогда уже былъ женатъ и переѣхаль изъ казармъ на вольнонаемную квартиру. Во фронтѣ я обязанъ былъ являться только тогда, когда была въ строю вся бригада; но я выѣзжалъ и на полковыя ученья своего полка, въ видѣ любезности къ Алексѣю Ѳеодоровичу Арбузову, который очень любилъ, когда за нимъ ѣздилъ адъютантъ съ аксельбантомъ.

На маневрахъ-же этому адъютанту представлялась вся возможность измучить лошадь до упаду, безъ всякой въ томъ надобности. Я уже сказалъ выше, что при исполненіи служебныхъ обязанностей, которыя требовали нѣкоторыхъ научныхъ свѣдѣній, Алексѣй Ѳеодоровичъ терялся до жалости.

Однажды онъ командоваль на маневрахъ значительнымъ отдѣльнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ баталіоновъ пѣхоты, бригады кавалеріи и трехъ батарей артиллеріи. Въ отрядъ былъ присланъ, за начальника штаба, капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба Тавастъ, офицеръ образованный по настоящему, серьезно; онъ не считаль для себя обязанностью думать, ради достоинства своего мундира, что онъ умнѣе всѣхъ прочихъ смертныхъ, не причисленныхъ къ генеральному штабу; онъ не допустилъ привиться къ себѣ ничему отталкивающему, столь обыкновенному свойству людей чему-то научившихся и посылаемыхъ руководить другими, при полнѣйшемъ отсутствіи общественнаго образованія; онъ былъ со всѣми ровень и учтивъ; не выѣзжалъ на сбивчивыхъ принципахъ для оправданія противуположныхъ безобразій; не надоедалъ никому безпрерывною постановкою премудрыхъ вопросовъ, замѣчательныхъ только заносчивымъ пустозвонствомъ, по разрѣшеніе которыхъ не вело ни къ чему и ни кому не было нужно; онъ твердо и честно исполнялъ свое дѣло, и въ то-же время былъ постоянно скромень. Его сразу полюбилъ весь отрядъ и принялъ съ дружескимъ радушіемъ, назвавъ съ какимъ-то почтительнымъ уваженіемъ «отряднымъ капитаномъ».

Капитанъ Тавастъ былъ не изъ тѣхъ крпкливыхъ стратегиковъ, которые любятъ чптать проповѣди, не понюхавъ пороховаго дыма. Онъ видалъ боевой огонь и былъ чудно счастливо раненъ: пуля попала ему позади уха и прошла сквозь всю голову навывлетъ; но

онъ оставался здоровъ и, по словамъ его, даже невредимъ; онъ не умѣлъ рисоваться своею раню: не носилъ фуражки вмѣсто шляпы—на что имѣлъ полное право; не украшалъ головы разными замшевыми ремешками съ серебряными застѣжками. Словомъ, это былъ достойнѣйшій человѣкъ и дѣльнѣйшій офицеръ генеральнаго штаба, безъ малѣйшей доли оскорбительнаго чванства.

Генераль Арбузовъ, получивъ въ свое командованіе отдѣльный отрядъ на маневрахъ, считалъ неизбѣжнымъ крушеніе своей служебной ладьи. Капитанъ Тавастъ подоспѣлъ къ нему въ видѣ спасительной лодки, и дѣйствительно спасъ его, потому что дѣйствія отряда были осыпаны похвалами послѣ маневровъ; но капитанъ Тавастъ на всѣ похвалы лично ему, отвѣчалъ одно, что онъ исполнялъ только приказанія начальника отряда; онъ считалъ ниже своего достоинства кричать: «Мы сбили, мы рѣшили!» Такихъ-то вотъ людей всегда уважить человѣчество, какой-бы ни былъ надѣтъ на нихъ мундиръ,—и уважить по душевному внушенію.

За то ужъ и листифониль-же отрядный командиръ передъ начальникомъ своего штаба! Онъ разсыпался въ разныхъ угожденіяхъ, не жалѣя, исключительно только для своего милаго наставника, даже гаванскихъ сигаръ; это-бы еще ничего: угощеніе—весьма позволительное задабривающее средство; но онъ листифониль уже вовсе не по чину; онъ представлялъ изъ себя нѣчто похожее на ливретку, граціозничающую передъ барынею, у которой въ карманахъ сахаръ.

Однимъ утромъ прекраснаго дня, отрядъ нашъ передвинулся на весьма пріятную позицію: тутъ былъ огромный выкошенный лугъ, усѣянный и окруженный разными перелѣсками, съ кучею грибовъ; вблизи протекалъ широкій ручей съ превосходною ключевою водою; за ручьемъ виднѣлась чистенькая деревенька съ огородами и садами.

Когда войска отряда размѣстились на новой позиціи, къ генералу подѣхалъ, смотря на свои часы, капитанъ.

«Я отвѣчаю, сказалъ онъ,—что здѣсь никто не побезпокоитъ ваше превосходительство часа три по меньшей мѣрѣ; теперь непріятель далеко: онъ всѣ свои силы сосредоточилъ, чтобы не допустить до насъ нарвскаго отряда; но это ему не удастся; отрядъ принялъ неожиданное направленіе, показавъ непріятелю только разѣзды, а мы сами приблизились къ нему и стали у него на пути; вечеромъ соединимся мы и, послѣ дневки, начнемъ общее наступательное движеніе. Я полагаю, что и завтрашнюю дневку мы останемся здѣсь-же, проводя весь нынѣшній день безъ тревоги».

— «Чтобы вашими устами да медъ пить!» отвѣтилъ генераль, смотря на капитана заигрывающимъ котомъ.

«А теперь, продолжалъ капитанъ, — я отлучусь часа на два, осмотрѣть правый флангъ, нѣтъ-ли гдѣ-нибудь черезъ болотины удобной дороги, чтобы выслать къ нарвскому отряду разъѣздъ на-встрѣчу».

Онъ уѣхалъ.

Иванъ Алексѣевъ, между тѣмъ, успѣлъ уже смастерить съ рабочими весьма изрядный шалашъ для генерала: разостлалъ въ немъ коверъ, поставилъ складной столъ и нѣсколько такихъ-же стульевъ; а за шалашомъ врылъ въ землю небольшой ящикъ со льдомъ, въ который погрузилъ три бутылки шампанскаго, бутылку мадеры и бутылку сотерну, а бутылку лафиту зарылъ возлѣ ящика въ теплый песокъ и все это густо прикрылъ ельникомъ.

Генераль, предвидя трехъ-часовой отдыхъ, послалъ Стахѣева въ обозъ, чтобы придвинуть его къ отряду и начать варить кашу, а самъ сталъ разъѣзжать по лугу, курныча свою облюбовленную пѣсенку—объ «улицѣ Фурштадтской».

Но вдругъ, о боги! не обманываетъ-ли командующаго отрядомъ его командирское зрѣніе? Въ полуверстѣ отъ позиціи, на опушкѣ лѣса, показались вражескіе уланъ: вотъ очень ясно мелькаютъ на солнцѣ ихъ цвѣтистые флюгера; правда, что улановъ показалось всего съ полъ-взводика; но это не остановило генерала закомандовать на весь отрядъ: «Становись!».

— «Что-жъ вы не стрѣляете! заплакалъ онъ, подскакавъ къ батарейному командиру стоявшей на возвышеніи батареи,—не видите, что-ли?»...

Тотъ покосился исподлобья, сердито прогнусилъ команду, и началась пушечная жарня.

Тутъ, вѣроятно, вспомнилъ отрядный начальникъ, что въ пѣхотномъ уставѣ есть построение: каре противъ кавалеріи; кавалерія была передъ носомъ — чего-же тутъ звать; бывшимъ подъ рукою тремъ пѣхотнымъ баталіонамъ приказано построить каре противъ кавалеріи и открыть огонь. Ген. Арбузовъ выскакалъ на пригорокъ совершеннѣйшимъ фельдмаршаломъ и гордо обрисовался въ пороховомъ дыму. Я за нимъ: но онъ вдругъ накинулся на меня, закричавъ:

«Что вы, сударь, ѣздите безъ всякаго толку? Скачите въ хвостъ и въ гриву къ конной бригадѣ, чтобы она сломя голову неслась на выручку».

Я оборотилъ коня и далъ шпоры.

Услыша негаданную пальбу, прискакалъ, словно одурѣлый, Стахѣевъ; онъ-таки понималъ кое-что па маневрахъ; разузнавъ въ чемъ именно было дѣло, онъ, не спрашиваясь генерала, прекратилъ пальбу

на батареѣ и, замахавъ поднятою кверху каскою, прекратилъ и ружейную стрѣльбу въ баталіонахъ.

— «Что вы это срамитесь! упрекнулъ онъ сердито генерала, — развѣ не видите, что это какой-то заблудившійся разъѣздъ?»

Между тѣмъ, уланскій офицеръ, остановя свой маленькій полувзводикъ шаговъ за полтораста отъ батареи и, подскакавъ къ генералу на разстояніе звука голоса, закричалъ:

«Извините, ваше превосходительство, что обезпокоилъ васъ! Я посланъ для провѣрки открытой въ лѣсу дороги и проѣхалъ нѣсколько далѣе, не предполагая никакъ застать васъ на этомъ мѣстѣ. Извините!»

Онъ возвратился къ уланамъ и повелъ ихъ обратно маленькою рысцою.

Ген. Арбузовъ словно приросъ къ мѣсту; онъ проводилъ глазами противный разъѣздъ, пока не скрылся въ лѣсу послѣдній флюгеръ; потомъ отправился въ кусты, говорили, для того, будто-бы, чтобы скрыть свой стыдъ, но мало-ли что говорятъ, можетъ быть и вовсе не за тѣмъ; достовѣрно только одно, что я, возвратясь отъ кавалерійской бригады, засталъ генерала верхомъ стоявшимъ на лугу, съ неподвижно устремленнымъ взоромъ на опушку предательскаго лѣса.

«Бригада сейчасъ будетъ», донесъ я, приложивъ къ шляпѣ руку.

— «Ну васъ и съ бригадою-то!» прошипѣлъ взволнованный начальникъ, углубляя голову въ плечи.

Вслѣдъ за мною вылетѣлъ па луговину во весь карьеръ командиръ кавалерійской бригады.

— «Бригада готова! отрапортовалъ онъ, — что угодно вашему превосходительству приказать?»

Генералъ Арбузовъ разсыпался въ извиненіяхъ, говоря, что произошла фальшивая тревога.

Кавалеристъ замѣтилъ, что онъ ужасно перемучилъ своихъ лошадей, пройдя 4 версты въ такую жару и по скверной дорогѣ на полныхъ рысяхъ.

— «Да я никогда и не приказывалъ идти на полныхъ рысяхъ! возопилъ ген. Арбузовъ;—это все перепуталъ онъ», прибавилъ, указавъ на меня, воспитанный въ Дворянскомъ полку начальникъ.

Прискакавшій генералъ началъ ворчать о томъ, какъ много страдаютъ кавалерійскія лошади отъ неточной передачи начальническихъ приказаній молодыми адъютантами.

Ген. Арбузовъ относительно меня былъ правъ только буквально: онъ дѣйствительно никогда не приказывалъ мнѣ, чтобы бригада шла на полныхъ рысяхъ, но приказалъ, чтобы она сломя голову неслась

на выручку. Слыша неприятную буркотню кавалерійскаго генерала, я не могъ воздержаться, чтобы не сдвинуть судорожно бровей. Генераль Арбузовъ замѣтилъ это и, зная мою глупѣйшую натуру, что я не полѣзу за словомъ въ кармавъ, когда приходится возстановити правду, тотчасъ-же подхватилъ подчиненнаго ему гостя подъ руку и потащилъ его верхомъ по направленію къ шалашу, говоря: «Перестаньте гнѣваться, мой почтенный генераль, съ кѣмъ не бываетъ ошибокъ! А вотъ не хотите-ли освѣжиться стаканчикомъ холодной шипучки? Это будетъ не вредно въ такую жару! Иванъ Алексѣевъ!»

Послѣ переговоровъ между генералами, пріѣзжій, не сходя съ лошади, осушилъ добрую граненую кружку шампанскаго и отправился легонькимъ галопомъ къ бригадѣ, а хозяинъ ушелся въ дверяхъ шалаша.

Я наблюдалъ издали сцену импровизованной попойки, какъ услышалъ за собой топотъ скачущей лошади; это былъ нашъ отрядный капитанъ, прпскакавшій на взмыленномъ конѣ.

— «Что за канонада произошла здѣсь? Что такое случилось?» обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

Я объяснилъ какъ было дѣло и просилъ его не конфузить генерала разспросами. Онъ пожалъ плечами и мы поѣхали шагомъ къ шалашу.

«Вотъ, очень кстати! закричалъ генераль капитану, — а мы тутъ безъ васъ чуть не попались въ просакъ: вообразите, на опушкѣ лѣса показались уланы; ихъ, конечно, было не болѣе полу-взвода»..

— «Но кто могъ знать, что за полу-взводомъ не скрывается большихъ силъ? Осторожность никогда не лишняя», отвѣчалъ капитанъ, избѣгая моихъ взглядовъ.

«Вотъ, умнаго-то человѣка видно и по одному слову! вскричалъ генераль.—Поцѣлуемтесь! Иванъ Алексѣевъ, подавай закуску!»

Закуска была обильна, даже съ чашкою бульона, что на маневрахъ составило весьма привлекательную статью; мы были удовлетворены вполнѣ, осушивъ до-чиста погребокъ Ивана Алексѣева. А какъ ген. Арбузовъ побаивался на маневрахъ разныхъ тѣлесныхъ разстройствъ, то къ его трапезамъ постоянно приглашался и отрядный врачъ.

Послѣ закуски, всѣ улеглись на отдыхъ, такъ какъ минувшая ночь была проведена въ передвиженіи, безъ сна. Пробудясь-же, увидѣли, что обѣщанные капитаномъ три часа покоя прошли уже съ большою надбавкою, что жаръ дазымъ-давно своротилъ и что Иванъ Алексѣевъ, прпсѣвъ за шалашомъ на корточкахъ, усердно пыхтѣлъ, раздувая толстопузый самоваръ.

За чаемъ было, дѣйствительно, получено приказаніе, чтобы на завтрашнюю дневку войска оставались на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застанетъ приказаніе.

Возлѣ нашей позиціи, въ перелѣскѣ, на большой дорогѣ, нашелся домикъ, въ родѣ корчмы; его сейчасъ-же заняли подѣ отрядный штабъ; тутъ проживалъ лѣтомъ одинъ только лѣсничій, а какъ по зимамъ онъ держалъ тутъ и постоянный дворъ, то у него оказались порожними двѣ комнатки, удобныя для пріюта генерала, и широкая, крытая галлерей, вдоль всего домика со двора,—очень удобная для всѣхъ насъ; сверхъ того, пространный дворъ былъ обнесенъ кругомъ навѣсами, съ двумя пустыми сараями, изъ которыхъ одинъ заняла наша прислуга, а другой—генеральскій поваръ, радуясь, что на убѣтомъ глиняномъ полу сарая можно будетъ развести огонь, который не потревожитъ вѣтеръ. Лошади нашли широкое помѣщеніе подѣ навѣсами и хорошей кормъ. На ночь къ этому-же пункту подрядчикъ подвезъ дрова и солому; но мы угнѣздились еще задолго до заката солнца.

Стахievъ, считавшій себя записнымъ охотникомъ, хотя и не былъ грѣшенъ въ убійствѣ какого-либо пернатого существа, нашелъ очень удобнымъ поохотиться до сумерекъ по окрестнымъ болотамъ. Всѣ принадлежности для охоты у него были наилучшія: двустволка Лебеды, собака отличнѣйшей породы, очень дорого заплаченная, но вовсе не натасканная подѣ ружьемъ, сапоги до самыхъ паховъ, патронташъ и ягташъ съ серебряными пряжками и гербами хозяина, и наконецъ, изумруднаго цвѣта кафтанчикъ, съ ярко вызолоченными пуговицами, изъ которыхъ каждая представляла особой породы собачью морду.

Во всѣхъ болотныхъ походевіяхъ, за Стахievымъ слѣдовалъ его неизмѣнный Мишка, также въ охотничьихъ сапогахъ, хотя порядочно прорванныхъ, но все-таки въ охотничьихъ, выше колѣна; черезъ то и другое плечо у Мишки висѣло по баклагѣ: одна прохладительная—съ квасомъ, другая горячительная—съ травникомъ, а на груди красовались изъ тюленьей шкуры сумки, съ запасными патронами, булкою и кускомъ колбасы, обернутыми въ рапортички отъ разныхъ частей отряда. Курева не имѣлось вовсе, потому что Стахievъ никогда ничего не курилъ. И зачѣмъ только онъ бралъ съ собою Мишку! Мишка былъ, конечно, человѣкъ, вѣрный, но все-таки человѣкъ, слѣдовательно, могъ проговориться, что его баринъ стрѣляетъ бекасовъ не дробью и не па болотахъ, а двугривенными и пятиалтынными въ ягташахъ деревенскихъ стрѣлковъ, бродящихъ съ ружьемъ по однимъ съ нимъ болотамъ.

Стахievъ проохотился, какъ и предполагалъ, до самаго вечера и возвратился торжествующій, съ цѣлою полудюжиною бекасовъ; онъ тотчасъ-же отдалъ ихъ генеральскому повару для приготовленія на ужинъ, въ видѣ сюрприза для генеральскихъ застольниковъ.

Поваръ немедленно ошипалъ ихъ, разложилъ на сковороду и поставилъ на огонь; но, къ общей невыгодѣ, въ это время по близости остановился боченокъ съ водкою для солдатъ, поваръ явился къ знакомому каптенармусу за подачкою, но честный виночерпій обѣщалъ ее въ такомъ только случаѣ, когда останется водки по удовлетвореніи извѣстной части солдатъ; поваръ не имѣлъ силы оторваться отъ волшебнаго боченка; онъ порывался убѣжать и все ждалъ; ждалъ долго и, наконецъ, дождался, но каковъ-же былъ его ужасъ, когда на сковородѣ, вмѣсто бекасовъ, нашелъ онъ какія-то промасленныя головешки! Онъ только растопырилъ руки, разинулъ ротъ и остался безмолвенъ и неподвиженъ. На эту грустно-комическую сцену подошелъ отрядный докторъ; онъ, предвидя, какой переполохъ произведетъ за ужипомъ оплошность кухмейстера, спросилъ, есть-ли большая сковорода и яйца? Оказалось то и другое. Докторъ принесъ кусокъ собственной ветчины и заказалъ громадную глазунью.

Начался ужинъ: выпили водки и закусили кильками, отѣли великолѣпные лѣнныя щи, Стахievъ привсталъ съ мѣста и проговорилъ съ гордою скромностью спичъ о своихъ охотничьихъ успѣхахъ, о своемъ удовольствіи, что онъ могъ приготовить его прев—ву сюрпризъ; въ это самое время Иванъ Алексѣевъ подалъ на продолговатомъ блюдѣ извѣстныя масляныя головешки.

Генераль, разсмотрѣвъ ихъ, вскричалъ: «Вотъ сюрпризъ, такъ сюрпризъ!» и, разразившись истерическимъ смѣхомъ, вѣрный своему дворянскому воспитанію, пемилосердо поднялъ ошеломленнаго Стахieва на зубки, придвинулъ къ нему блюдо, заключивъ словами:

— «Кушай, братецъ, свой сюрпризъ самъ!»

Стахievъ, словно ошпаренный, молча опустился на стулъ.

«Нѣтъ-ли тамъ чего-нибудь еще, хоть сливокъ, что-ли?» спросилъ генераль, очевидно, оставившій довольно мѣста въ желудкѣ для помѣщенія втораго блюда.

— «Обязанность врача ослаблять по возможности всяческіе педуги», сказалъ докторъ, и отворилъ дверь Ивану Алексѣеву, который внесъ на сковородѣ еще трещавшую глазунью съ ветчиною.

«Браво, докторъ!» вскричалъ генераль.

Всѣ напали на ячницу, за исключеніемъ Стахieва, который сидѣлъ буря-бурею и не дотронулся до нея. Наконецъ, онъ взялъ съ

блюда въ руки одну изъ обугленныхъ засушивъ, разсмотрѣлъ ее у свѣчки, понюхалъ и, бросивъ назадъ, проворчалъ: «Этакое животное! Вотъ бы стоило самого порядкомъ прожарить».

— «Дѣйствительно, стоитъ! Разрѣшаю тебѣ и уполномочиваю! отвѣтилъ генераль, въ видѣ извиненія передъ Стахѣевымъ за свое неумѣстное глумленіе.—Иванъ Алексѣевъ! Достань-ка намъ бутылочку за зеленою печатью, да подай сыр!»

Бутылка и сыръ явились немедленно, яичница была запитана отличнымъ лафитомъ и заѣдена сочнымъ швейцарскимъ сыромъ. Послѣ чего всѣ встали изъ-за стола; генераль ушелъ въ сосѣдную каморку, а мы вышли на галерею, гдѣ была настлана свѣжая солома, прикрытая разными коврами и одѣялами, у кого что нашлось въ багажѣ; каждый угадалъ назначенное для него логовище по своей походной подушкѣ; мы улеглись почти въ повалку, прикрывшись шинелями; Стахѣевъ помѣстился съ краю. Мишка, сверхъ шинели, накрылъ его какою-то попоною; баринъ ворчалъ, но слуга не обращалъ на это вниманія, говоря, что къ утру будетъ холодно и продолжая, стоя на колѣняхъ, подтыкать края попоны подъ солому; наконецъ, приподнявъ уголь попоны надъ головою барина, спросилъ:

— «Рожу-то закрыть, что-ли?»

Стахѣевъ припрыгнувъ, словно укушенный, Мишка исчезъ метеоромъ; мы долго не могли заснуть отъ душившаго насъ прилива смѣха, по милости Мишки.

Утромъ, вскорѣ послѣ восхода солнца, насъ разбудилъ отчаянный вопль, выходившій изъ поварскаго сарая; нѣкоторые изъ насъ приподняли головы и вопросительно переглянулись; Стахѣева не было на мѣстѣ; тутъ отворилось окно изъ генеральской каморки; генераль высунулся, съ разстегнутымъ воротникомъ у рубашки и съ накинутымъ на плеча халатомъ, и закричалъ:

— «Александръ Александрычъ! Да брось ты этого подлеца, спать не даетъ, каналья: оретъ, проклятый, словно съ него шкуру дерутъ».

Окно захлопнулось; Стахѣевъ нехотя прохрипѣлъ: «Довольно!»

И, дѣйствительно, было довольно: оплошного кухаря уже нѣсколько минутъ донимали съ востока и съ запада такихъ два специалиста, что подъ ихъ опытною рукою концы розогъ, казалось, вросли въ шкуру и оставляли на ней бѣловатые борозды, словно послѣ терпуга, которыя и наполнялись тотчасъ-же кровью. Генераль напрасно только въ видѣ сравненія употребилъ фразу: «словно съ него шкуру дерутъ!»—съ него сдирали шкуру буквально.

Поруганный кухмейстеръ, послѣ слова «довольно», вскочилъ на ноги и зашатался, поежился, крякнувъ, кое-какъ подтянулся, и

стремглавъ побѣждалъ къ знакомому каптенармусу искать у него напѣтка для забвенія житейскихъ горестей.

Маневры окончились благополучно: ген. Арбузовъ получилъ благодарность, Стахѣева представили къ наградѣ, а я рѣшился окончательно посвятить свою послѣднюю служебную дѣятельность вѣдомству военно-учебныхъ заведеній, подъ руководствомъ и начальствомъ Я. И. Ростовцова, что вскорѣ и исполнилъ на самомъ дѣлѣ.

Въ бытность мою въ полковой средѣ я не могъ не отнестись особенно сочувственно къ нѣкоторымъ личностямъ, рѣзко выдававшимся изъ уровня общей массы; о нихъ и до сихъ поръ (1875 г.) сохранилъ я самыя пріятныя воспоминанія п съ душевнымъ удовольствіемъ называю ихъ имена. Двое чрезвычайно замѣтны были блестящимъ образованіемъ, свѣтскимъ лоскомъ п крайнимъ умѣньемъ держать себя съ достоинствомъ въ высшемъ кругу; первый изъ нихъ былъ баронъ Иванъ Ивановичъ Мункъ, впоследствии командиръ л.-гв. Преображенскаго полка, директоръ финляндскаго кадетскаго корпуса и скончавшійся вице-канцлеромъ Александровскаго университета въ Финляндіи; второй—Эмилій Карловичъ Шернваль, нынѣ (1875 г.) баронъ Шернваль-Валенъ, статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ и служащій товарищемъ у министра, статсъ-секретаря великаго княжества финляндскаго. Двое другихъ отличались въ кругу полковой семьи высокими человѣческими достоинствами: невозмутимою правдивостью, вѣрнымъ взглядомъ на жизнь и честнѣйшимъ, чуждымъ всякаго эгоизма, отношеніемъ ко всякому, кто къ нимъ обращался; они заботливо сглаживали, подъ рукою, заводившіяся въ полку шероховатости; приходившіе къ нимъ за совѣтомъ были заранѣе увѣрены, что совѣтъ этотъ дастся отъ чистаго сердца и принесетъ всегда пользу; одинъ изъ этихъ двоихъ былъ баронъ Николай Антоновичъ Зальцъ, впоследствии командиръ л.-гв. Литовскаго полка, скончавшійся с.-петербургскимъ комендантомъ; другой—Алексѣй Александровичъ Тулубьевъ, нынѣ (1875 г.) служащій членомъ въ комитетѣ о рапеленыхъ, полный генералъ. Изъ прежнихъ павловцевъ, состоящихъ до сихъ поръ (1875 г.) на службѣ, Тулубьевъ остается самымъ старшимъ офицеромъ, по времени поступленія л.-гв. въ Павловскій полкъ, потомъ генералъ Регенкамфъ, а за нимъ и азъ многогрѣшный, писавый строки сін. Сверхъ того, сколько достойнѣйшихъ людей встрѣчаешь и въ прежнихъ товарищей, которымъ жмешь руку истинно по братски.

Я, промѣнявъ строевую службу на письменную, былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ его императорскаго высочества главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, гдѣ вскорѣ началъ ѣздить съ докладами къ его высочеству и сопровождать вел.

кн. Михаила Павловича въ вояжахъ, а потомъ сдѣлался постояннымъ чтецомъ литературныхъ произведеній у его высочества, но чтецомъ собственно лѣтнимъ, потому что меня очень часто приглашали, по вечерамъ, для чтенія въ Павловскъ, но въ Петербургѣ подобныхъ приглашеній не было.

Когда-же, по кончинѣ вел. кн. Михаила Павловича, вѣдомство военно-учебныхъ заведеній перешло подъ начальство е. и. в. государя наслѣдника цесаревича, то я, будучи его высочествомъ избранъ въ дежурные штабъ-офицеры штаба, достигъ, наконецъ, счастія служить подъ личнымъ начальствомъ августѣйшаго шефа нашего полка.

При воцареніи-же государя императора Александра Николаевича, я былъ осчастливленъ назначеніемъ во флигель-адъютанты къ его величеству, продолжая, по прежнему, числиться л.-гв. въ Павловскомъ полку, въ которомъ и имѣлъ честь состоять по день производства моего въ генераль-маіоры, т. е. по 30 число августа 1858 года.

Генераль-лейтенантъ Михаилъ Александровичъ Марковъ, въ Вильнѣ.

3-го августа 1875 г.

Друскеники.

Примѣчаніе. Напечатанныя выше «Воспоминанія» сообщены намъ лично покойнымъ ихъ составителемъ, М. А. Марковымъ, 30-го декабря, 1875 г. Человѣкъ просвѣщенный и весьма добродушный, Михаилъ Александровичъ былъ довольно извѣстный въ свое время писатель (1830—1840-ые года); портретъ его помѣщенъ въ альманахѣ Смирдина «Сто русскихъ литераторовъ».—См. въ нашемъ альбомѣ «Знакомые»—изд. 1888 г., стр. 68, басню М. А. Маркова.

Ред.